

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

КАТАФАЛК

ДАЛЬНОГО СЛЕДОВАНИЯ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Катафалк дальнего следования

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Катафалк дальнего следования / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2022 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-177718-0

В поезде, в котором полковник МВД Гуров возвращался из командировки, пассажир Олег Дымов устроил пьяный дебош. Гурову пришлось вмешаться и восстановить порядок. Проводница объяснила, что такое поведение вызвано постигшим пассажира горем: в этом же составе следует гроб с телом его умершей жены. Наутро выяснилось, что Дымов исчез, а в его купе остались следы борьбы и крови. Понимая, что в поезде произошло преступление, Гуров обращается в отдел полиции одной из станций по пути следования. Это спасает его от верной смерти: в момент разговора с дежурным в вагоне, где ехал Гуров, раздается взрыв...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177718-0

© Леонов Н. И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Катафалк дальнего следования	7
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Николай Леонов, Алексей Макеев

Катафалк дальнего следования

© Макеев А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Николай
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

**КАТАФАЛК
ДАЛЬНОГО
СЛЕДОВАНИЯ**

Москва
2 0 2 3

Катафалк дальнего следования

Глава 1

Свинцовая снежная бескрайность с каждым метром сгущалась, наливалась непроглядным мраком. Если бы не тусклый фонарь железнодорожного перегона, что, качаясь от ветра, выхватывал то железные бока вагонов, то черную геометрию шпал, то казалось бы, будто поезд замер в мертвой пустыне. Без жизни и без границ.

«Как в космосе», – Лев Гуров одновременно восхитился и ужаснулся. А ведь в детстве он мечтал стать космонавтом, тогда все советские мальчишки бредили ракетами и выходом на земную орбиту. Хорошо, что стал опером здесь, на земле, а то болтался бы сейчас вот в таком жутком местечке – ледяном и бесконечном.

Лев Иванович, облегченно вздохнув, оторвался от окна вагона и оглядел уютное купе: мягкий свет ночника, напарница, следователь по особо важным делам, Лена Ванина, дремлет под белой простыней, отсыпаясь после тяжелой командировки. На столике замерли два стакана в фирменных подстаканниках и с недопитым чаем. И ему неплохо бы уже на боковую. Завтра Москва, родной отдел – бывший Московский уголовный розыск, а в современной реальности Главное управление уголовного розыска Министерства внутренних дел России. На утренней планерке предоставление отчета генералу Орлову о проведенном расследовании в выездной командировке и уже потом неофициальный рассказ о служебной поездке коллеге, соседу по кабинету и другу, Станиславу Крячко. Привычная многолетняя работа старшего оперуполномоченного по особо важным делам, где тяжкие преступления, такие как убийства, торговля людьми, сложные мошеннические схемы, стали обыденностью. Бывшие коллеги уже давно получили чины и должности посolidнее, осели в личных кабинетах на управляющих должностях, но Лев Иванович от таких предложений отказывался. Нравилась ему оперативная работа. Распутывать преступление, шаг за шагом складывать из отдельных фактов картинку, пока она не сложится в четкую схему – преступник, орудие преступления, жертва, мотив, место преступления.

В дальней командировке далеко за пределами Московской области он помог своим менее опытным коллегам сложить такой пазл. И сейчас возвращался назад в отдельном купе, которое с великим трудом смогла заказать секретарь генерала. Билетов до Москвы с каждой минутой становилось все меньше, жители России штурмовали столицу перед новогодними каникулами.

Лев Иванович сладко потянулся, поправил казенную подушку и уже почти опустил на нее голову, чтобы наконец заснуть, но вдруг через опущенные ресницы в темноте за стеклом он увидел такое, от чего сон вмиг слетел с него. В темноте качалась крупная округлая фигура, женщина застыла на секунду, стаскивая с себя теплую кофту. Мелькнуло белое оплывшее тело, нижнее белье. И тут же поезд дернулся, ночной полустанок поплыл в сторону, а вместе с ним силуэт грузной обнаженной женщины. Лев Иванович прижался к стеклу, пытаясь рассмотреть детали увиденного, но состав уже набирал скорость. Чернота за окном слилась в глухую темную полосу с редкими белесыми прорехами не то сугробов, не то просветов между деревьями.

Гуров надел спортивную кофту и вышел в коридор. Вагон размеренно покачивался в такт движению все ускоряющегося состава. Было темно, узкий и длинный коридор с одинаковыми дверями купе подсвечивался лишь бледной лампой рядом с туалетом. Он зашагал в противоположную сторону, принаравливаясь к небольшой качке, туда, где находилась приоткрытая дверь служебного купе. В этот момент проводница вдруг вынырнула, но не из служебного купе, а из соседнего, что располагалось через стенку от купе Гурова.

– Простите, я хотел сказать, что видел что-то странное за окном. Там на улице, кажется, женщина. Она...

Договорить он не успел, застывшая в проеме женская изящная фигурка в синей форме, вскрикнув, рухнула назад в темное пространство купе.

Лев не бросился следом. Это только в фильмах полицейские кидаются сломя голову навстречу опасности. Но не опытный оперативник. Нырять в темноту, не зная, что ждет за дверью купе, глупо. Даже один случайный удар кулаком или, не дай бог, кухонным ножом может забрать жизнь, уж он-то насмотрелся за свою жизнь нелепых, шальных смертей. Возможные риски оперативный работник должен уметь просчитывать перед любым действием, которое собирается совершить, иначе никак нельзя на такой опасной работе, где твои «клиенты» – преступники и их жертвы.

Лев Иванович внутренне напрягся, мышцы напряглись в ожидании удара, кисти сжались в кулаки. Мозг молниеносно просчитывал варианты: в свое купе возвращаться за служебным оружием долго, да и опасно открывать пальбу в тесном пространстве; будет разумнее для начала понять, что происходит в купе номер 3, хотя бы в общих чертах. Он прислушался: за тонкой перегородкой явно кто-то возился и раздавались два голоса. Низкий трубный и высокий девичий. Гуров никак не мог разобрать, что бубнит мужчина, лишь услышал короткий резкий окрик проводницы:

– Да отстань от меня, придурок. Не прикасайся, убери руки!

Оперативник медленно носком кроссовки сдвинул плавающее полотно тяжелой двери в сторону, чтобы тусклый свет осветил маленькое пространство купе. Худенькая девушка в форме проводника пыталась сбросить руку высокого седого толстяка, огромная туша которого нависла над ней. Лев Иванович сделал шаг, ударом носка обуви под колени здоровяка заставил того рухнуть вниз, одновременно перехватил легкую женскую фигурку за талию и рывком вытянул мимо себя в коридор.

– Не трогайте девушку! – Еще один толчок отбросил массивное тело влево на широкую полку, где белела смятая постель.

Но мужчина тяжело поднялся и снова пошел в атаку. Гурова окатило запахом алкоголя. Он с отвращением ухватился за влажную от пота ладонь противника, вывернул кисть так, что нападавший вскрикнул и, дернувшись, рухнул лицом в скомканную простыню. Лев Иванович выдернул из-под него белое полотнище и ловко перетянул толстяку руки за спиной. Не стал затягивать узел, лишь ненадолго обездвижил пьяного. Но тот и не думал убегать или драться, лишь беспомощно дергался на узенькой для его большого тела полке и что-то монотонно повторял:

– Где она? Где она? Где? Пустите. Отпустите, я ничего не сделал.

Лев Иванович шагнул обратно в коридор, всхлипывающая проводница схватила его за руку, захлопнула дверь и потянула дальше от купе с черной «тройкой» на белом фоне:

– Спасибо, спасибо. Он меня так больно схватил, я испугалась.

– Послушайте. – Лев Иванович всмотрелся в бейдж на белой рубашке. Но в тусклом свете под распущенными темными волосами у него никак не получалось разобрать имя проводницы.

– Све... Светлана меня зовут. – Девушка заметила, куда направлен взгляд мужчины.

– Светлана, отведите меня к начальнику поезда. Не переживайте, вашего буйного пассажира я связал. Без посторонней помощи в такой степени опьянения он не сможет освободиться.

– А что случилось? Зачем к начальнику? Из-за того, что он меня схватил? Не переживайте, и похуже бывает. Пассажиры разные попадают, ничего не поделать.

Гуров покачал отрицательно головой:

– Не только из-за вашего буйна. – Он кивнул на мелькающие за окном фонари. – Надо сообщить по связи на станцию, где мы только что останавливались. Там пожилая женщина на станции, раздетая, без верхней одежды. Местная или от поезда отстала. Кажется, тоже,

как и ваш клиент, прилично выпившая. Надо сообщить, чтобы патруль железнодорожной полиции ее нашел, пока не замерзла в сугробе.

– Там нет патруля, и отделения нет. Это сортировочная станция, техническая, – растерянно протянула девушка. Она застыла в проходе коридора, не сводя с Гурова испуганного взгляда.

– Сотрудник станции, «Скорая помощь». Ну кто-то же может ей помочь, – мягко пояснил Лев Иванович.

Он старался разговаривать тепло, без нажима, привык за годы работы, что часто жертвы насилия впадают в ступор. Бывает, от стыда, от страха повторения нападения, женщины впадают в панику, отказываясь разговаривать даже на нейтральные темы, только торопятся поскорее убежать домой или в привычное для них место. Будто желают поскорее забыть о произошедшем нападении.

Особенно такие вот совсем молодые особы, вдвойне привлекательные для насильников и хулиганов из-за красивой внешности и неумения дать отпор. Гуров прикинул внешние данные проводницы по многолетней привычке мгновенно составлять описание человека: лет 25, а то и меньше; хоть и высокая, ростом почти с него, но при этом худенькая, густые темные волосы, точеные черты лица и очень яркий макияж. Яркий до такой степени, что даже в сером полумраке коридора ее лицо смотрелось как маска – черные брови и густо подведенные глаза, кроваво-красные губы, белое лицо.

Проводница вдруг ахнула, схватила Гурова за рукав кофты и повлекла за собой в служебное купе. Там, захлопнув дверь, она прижалась к нему всем телом и, дрожа, зашептала в ухо:

– Прошу, не надо, не ходите никуда! Не бросайте меня! Я боюсь!

Лев Иванович деликатно отодвинул от себя Свету, с силой заставил ее сесть.

– Так, успокойтесь. Где у вас вода? – Он нащупал в полутьме на столике бутылочку и протянул девушке.

Но Света снова бросилась ему на грудь, ухватилась руками за воротник спортивной кофты, почти силой удерживая от любых движений.

– Я боюсь, прошу вас, не уходите!

Гуров аккуратно пытался освободиться от объятий девицы, но в узком пространстве между полкой и столиком было невозможно развернуться.

– Света, повторяю, я связал этого пьяницу. Он вас больше не тронет. Сейчас начальник поезда отправит наряд, и его снимут с поезда. Пускай проспится в ближайшем отделении полиции.

Но Света тряслась от ужаса, прижимаясь все теснее. Ее широко распахнутые глаза при пестрящем свете фонарей выглядели безумными. Девушка прошептала сдавленным от страха голосом:

– Нет, я боюсь его жену!

– Он с женой едет в купе? А где она? Спит? И не проснулась от ваших криков?

– Она не спит, она мертвая, в гробу, – прошептала Света и вскрикнула, тут же зажав себе рот рукой.

– Так, все, я иду к начальнику поезда. Разберемся, кто живой, кто мертвый, кто пьяный, кто нормальный.

Лев Иванович начал раздражаться, уже почти два часа ночи и его накрывает усталость, а тут карусель из пьяных пассажиров и сумасшедшей плачущей проводницы. Он резко сбросил руки девушки с плеч и дернул дверь в сторону.

– В каком вагоне начальник поезда?

– Нет! – Света мертвой хваткой опять вцепилась в его рукав. – Не ходите! Это вы его жену мертвую видели за окном! Ее дух! Он бродит после смерти! Это покойница! Этот мужик пьяный, он покойницу с собой везет! Начальник состава знает. Не надо ему ничего говорить,

прошу вас! – Она бросила умоляющий взгляд на оперативника. – Он меня оштрафует, он знает про гроб! Это я его уговорила, чтобы разрешил провоз тела. Мне так жалко этого мужичка было! Горе у него такое.

– Так, стоп. Света, давайте рассказывайте по порядку.

Он решительно вернулся в купе, включил свет, так что темнота растаяла от теплого желтого светильника. Повернулся к Свете, которая застыла с искаженным от ужаса личиком-маской. Та охотно принялась объяснять.

– Понимаете, – залепетала девушка, – он гроб везет с женой, документы есть, я проверила. Вот и напился. Кричал, кричал, искал ее, я и пришла успокоить его, чтобы другим пассажирам спать не мешал. А тут вы говорите, что женщину видели за окном. Это... это ведь... покойница, то есть ее призрак. Ее не похоронили, вот она и является. – Света сжалась и заскулила: – Я боюсь! Не уходите, пожалуйста, посидите со мной. Я так мертвых боюсь. Не надо начальнику поезда рассказывать, он меня оштрафует за скандал. И его как с поезда ссаживать? Куда он с гробом ночью? Горе у человека, выпил немного. Не трогайте вы его.

– Понятно. – Лев обдумывал услышанное. – Вот что я вам скажу, Света, покойники не гуляют по станциям. Это обычный человек, может быть, просто местная жительница заблудилась в темноте и забрела на станцию. Я видел ее мельком, только уверен, что она вполне живая и реальная. Как оперативник по особо важным делам, официально вам заявляю, привидений не существует. – Он старался приободрить девушку, развеять ее страх. – И все-таки, Света, давайте пройдем к вашему начальнику. Расскажем ему, что произошло, пускай решает проблему. Ведь это и есть его работа – решать проблемы пассажиров, как мертвых, так и живых, верно?

– И какие проблемы у пассажиров?

От голоса из коридора Света и Лев вздрогнули, но тут же с облегчением выдохнули. В проем приоткрытой двери шагнул высокий мужчина, чуть старше тридцати лет, в отглаженной железнодорожной форме, с элегантной прической, от него шел аромат хорошего парфюма.

– Что тут происходит? – Взгляд мужчины перебрался с проводницы на Гурова.

– Вот, товарищ... начальник... – От испуга Света начала запинаться и медлить. – В третьем купе напился пассажир, ну тот, с гробом. И буянил, полицейский его успокоил и связал.

– Хорошо, я проверю и решу вопрос, – кивнул мужчина девушке.

– Вы начальник поезда?

– Да, Губин Роман Викторович, – сухо ответил железнодорожник.

Льву Ивановичу показалось, что мужчина в форме смотрит на Свету с плохо скрываемым раздражением. Гуров попросил:

– Вы не ругайте девушку, пожалуйста. Она тут ни при чем, просто слишком впечатлительная. – Опер сделал шаг поближе к железнодорожному служащему. – Давайте выйдем в коридор, поговорим.

Они вышли из служебного купе, и Гуров прикрыл за собой дверь.

– Понимаете, – сказал Лев Иванович, – на нее сначала напал пассажир, просто вцепился и не выпускал из купе. Пришлось немного его усмирить. Может быть, стоит снять его с поезда, если он так мешает персоналу работать. И еще кое-что...

– Слушаю. – В голосе Губина снова слышалось раздражение.

Но Лев Иванович списал его недовольство на усталость и глубокую ночь. Никому не хочется возиться с пьяницами и буйными пассажирами, когда все пассажиры в вагонах мирно спят.

– Во время последней остановки поезда на маленькой станции я увидел в окне на путях женщину. В возрасте, около пятидесяти лет, полная, среднего роста. Волосы собраны в пучок, темная одежда, кажется, без куртки и шапки. Больше ничего не успел рассмотреть, поезд тронулся. Мне показалось, что эта женщина пьяна и ей стало плохо. Она стояла неуверенно, кача-

лась на месте. Можете сообщить о ней по связи в ближайший пункт полиции или хотя бы сотрудникам железной дороги на той станции? Пускай проверят информацию. Она может замерзнуть или попасть под поезд.

– Да, конечно, наверняка местная пьяница бродит по путям, – снова сухо сказал начальник поезда и равнодушно посмотрел на Гурова. – Не переживайте, я решу все вопросы.

– Не ругайте Светлану, она испугалась сильно, услышав про женщину. Решила, что это дух покойницы из купе бродит по станции. Она не хотела вас беспокоить. Может быть, позовете ей в помощь более опытного проводника? Разве она не должна работать в паре?

– Да, обязательно. У нас нехватка сотрудников. Возвращайтесь в купе, все будет в порядке. – Губин зашагал по коридору, давая понять, что разговор окончен.

Высокий лощеный мужчина в конце коридора остановился лишь на пару мгновений, чтобы убедиться, что Гуров возвращается обратно в свое купе.

Лев Иванович задвинул дверь и замер, вслушиваясь в звуки за тонкой стеной. Вот шорох открываемой двери, тишина... и опять шуршание, потом шаги по коридору в сторону служебного отсека. Все-таки достанется несчастной Светлане от начальника. Но больше не было слышно ни шагов, ни разговоров, ни криков. Тихий перестук колес, лязганье железных соединений вагона. Звуки навевали дремоту, глаза опять начали слипаться, но он решил подождать еще час. Не давал ему покоя холодный, отрешенный взгляд начальника поезда и его равнодушные ответы на все просьбы. Лев Иванович хотя и давно работал опером, навидался человеческой жестокости, смертей, но душой так и не зачерствел. Не мог он остаться равнодушным к замерзающей женщине на полустанке, ибо чувствовал ответственность за ее жизнь. Пускай пьяная, пускай сама виновата, что бродит по безлюдному месту, но для ее спасения требуется всего-то такая малость – сообщить на станцию, чтобы местные служащие железной дороги нашли пьяницу и отвели ее в безопасное место.

Только усталость оказалась сильнее, Гуров и сам не заметил, как уснул. Проснулся от ударов над ухом, в соседнем купе кто-то с грохотом молотил в стенку. Коллега Лена, лежавшая на полке напротив, проснулась и спросонья испуганно всматривалась в темноту:

– Лев Иванович, что такое, что за звуки? Это вы стучите?

– Нет, нет, Лена, спите. Все нормально, в соседнем купе пьяница пришел в себя. Сейчас я с ним поговорю, он не будет мешать.

В темноте он нащупал куртку, накинул сверху. Так будет спокойнее, в кармане лежат наручники. Если дебошир не угомонится, то придется его приковать к металлической опоре столешницы и все-таки вызвать дежурный наряд. Пускай делают свою работу и умирят нарушителей порядка. Он оперативник, а не рядовой дежурный.

В купе Лев Иванович застал толстяка, который не мог перевернуться из-за связанных рук, но очень хотел устроить шумиху. Поэтому так усердно ударялся седой головой по тонкой перегородке.

– Так, гражданин, шум прекращаем!

На его голос мужчина повернулся и прищурился:

– Где моя жена? Развяжите меня! Что за выходы!

– Я вас развяжу, если не будете буянить. Драться, кричать, кидаться на других людей. Условия понятны?

– Да не буду я драться. Развязывай, – простонал пожилой пассажир.

Грузное тело невыносимо ныло от неудобной позы, в которой он уснул, – руки, заломленные за спиной, ладони туго стянуты. Лев Иванович в два движения размотал простыню и сделал шаг назад, освобождая пространство пленнику. Но и при этом соблюдая безопасность – если тот снова попытается напасть, то можно будет в один шаг выйти в коридор, захлопнуть дверь купе и отправиться за нарядом. Эта история уже порядком ему надоела, бессонная ночь из-за

любителей алкоголя никак не кончалась. Только толстяк и не собирался кидаться на опера. Он со стоном криво уселся, оперся на стенку и начал растирать запястья.

– Где моя жена? Ну, где она?

От его вопроса Гуров напрягся: у мужика, видимо, нервный срыв и память отбило от горя.

– Вот здесь. – Лев кивком указал на большой ящик из досок во всю длину соседней скамьи.

От злости лицо у собеседника налилось кровью, это было видно даже при тусклом свете фонарей, что замелькали за окнами все чаще. Поезд приближался к очередной станции.

– Вы что, издеваетесь? Это шутка ваша дурацкая? Как там это называется? Пранк, розыгрыш? Ну, где камера? Все удалось, очень смешно, заканчивайте вашу клоунату!

Мужчина встал на ноги. Полный, с одышкой, уже явно пенсионного возраста, но при этом он был силен, под рубашкой угадывались мощные руки и широкие плечи. Гуров отреагировал мгновенно. Ловким ударом в колено он сбил здоровяка с ног и молниеносно защелкнул один браслет на запястье, а второй – на металлической опоре стола.

– Отпустите! – От боли седой взревел во весь голос.

– Я же предупреждал, не надо бросаться на людей.

– Не надо говорить мне, что моя жена мертва! Она жива, а вы чертов клоун или безумец! Идиот!

Лев Иванович всматривался в лицо пожилого мужчины. Как странно, никаких признаков опьянения, хотя еще пару часов назад от него несло свежим алкоголем.

Дверь стремительно откатилась, на пороге застыла проводница с сонным лицом, она, видимо, успела задремать в своем купе. Огромные глаза стали еще больше от ужаса.

– Да что опять? Там уже все пассажиры проснулись! – Она потянула носом воздух в купе и громко с укоризной зашептала: – Напились, так хоть не хулиганьте! Как вам не стыдно, перестаньте кричать, вы мешаете другим людям. Ночь, все спят.

– Где моя жена? Скажите, прошу вас, прошу, прекратите эту жестокую шутку. – Мужчина перестал кричать и тоже перешел на шепот. Только тон у него был испуганный и умоляющий.

От его перекошенного болью лица Льва Ивановича передернуло, в нем было столько муки и недоумения. Светлана начала ласково уговаривать:

– Перестаньте, пожалуйста, ваша жена в этом гробу. Вы сами вчера его грузили на станции. Давайте я вам лучше водки из вагона-ресторана принесу. Выпейте и снова уснете, так будет лучше.

– Я не пью, мне врачи запретили! Зачем вы лжете? Зачем вы все лжете? Я не пил водку, я пил вчера с женой чай в поезде, а потом уснул! И теперь проснулся, а вы мне говорите, что моя жена умерла, что я напился, что я кидаюсь на людей! Я... Это вам так с рук сойдет!

Мужчина беспомощно дергался, морщась от боли в руке, но прочные браслеты не давали ему снова встать во весь рост.

– Я сейчас, сейчас. – Девушка убежала в свое купе.

Обессиленный гигант замер.

– Это правда? Правда, что моя жена умерла и я везу ее в гробу? Покажите документы, прошу вас, умоляю, покажите мне бумаги.

Оперативник замешкался, оглядел купе, где же багаж пожилого мужчины.

– Они у вас должны быть, в ваших личных вещах. – Найти сумку он так и не смог.

Проводница уже протиснулась обратно в тесное купе.

– Вот, выпейте водички. Пейте. – Девушка протянула пассажиру бутылку минералки. – Станет полегче, вам надо прийти в себя. – Она открутила крышечку и заботливо сунула бутылку в огромную ладонь мужчины.

– Пейте, мы отойдем на пять минут. – Лев Иванович бережно подхватил девушку под локоть и повел на ее рабочее место. – Покажи документы на этого пассажира, – сказал он ей по дороге.

– Хорошо-хорошо, покажу! – Она торопливо засеменила на свое рабочее место.

В купе девушка взяла с крохотного столика у окна, заваленного документами, едой, косметикой, пластиковую папку и вытащила из нее кипу билетов. Показала один пассажирский билет и два больших листа, скрепленных между собой.

Гуров пробежался глазами: Дымов Олег Дмитриевич, свидетельство о смерти Дымовой Ольги Борисовны, разрешение на перевозку тела.

– Оригиналы ты у него проверила?

– Конечно. – Девушка кивнула, от расстройства у нее дрожали губы. – Простите, что он вам мешает. Это моя вина, не надо было его брать в вагон. Пожалела, он так плакал, рассказывал, что жену везет хоронить на родину. Немного осталось, через пару часов уже его станция. Потерпите, прошу вас, вы такой хороший. Я сейчас принесу ему немного водки, чекушку в ресторане выпрошу. Горе у человека, немудрено, что головой повредился.

– А про женщину ничего не сообщали на ту станцию? Как называется, техническая?

– Сортировочная. Вы не переживайте, всю ночь не спите, бегаєте. Спасли меня. Вот держите водичку. Пейте, не надо денег. Больше не знаю, как отблагодарить. Хотя что-то. – Девушка сунула ему такую же бутылку, что и буйному Дымову.

Лев Иванович взял бутылку с водой, открыл крышку и сделал глоток. И правда, тяжелая ночь никак не кончится. Буйный пьяница достал весь вагон и в том числе проводницу, а ведь и слова дурного не поворачивается язык ему сказать. Действительно, горе у мужика страшное, такое, что мозг не выдержал.

В дверную щель просунулась взлохмаченная голова коллеги Гурова Лены:

– Девушка, что происходит? У нас там мужчина за стенкой скулит и рыдает ужасно. Перед этим головой бился об стену. Можно его утихомирить как-то? – Она обрадовалась при виде Гурова. – Ой, Лев Иванович, вы уже здесь? Три ночи и полный дурдом, вот так прокатились в спальном вагоне.

– Простите. – Света растерянно развела руками. – Нервный срыв у мужчины. Я сейчас постараюсь его отвлечь. Поговорю с ним.

Гурову стало жаль проводницу, она суежилась и испуганно косилась на них в ожидании скандала, не зная, как решить проблему.

– Ладно, Светлана, ты давай других пассажиров успокой. Потерпим пару часов, не переживай.

– Да мало людей, все в другом конце вагона. Только вот вас он достал. – Света, казалось, сейчас расплчется из-за сложившейся ситуации. Ее симпатичное личико исказилось от горькой гримасы, помада и подводка за время беготни размазались.

– Ну держись, Света. – Гурову искренне было жаль девушку, наверное, она впервые сталкивается с такими неприятностями. – Он в наручниках, как будем подъезжать к его станции, зови. Сними и вывести помогу хулигана.

Лев обратил внимание, что у девушки от огорчения дрожат даже руки, Светлана нервно мяла край форменной юбки. Он кивнул Лене – идем. По пути объяснил коллеге, что произошло, и ее первоначальное раздражение как рукой сняло. В купе она прислушалась к звукам за стеной, сокрушенно покачала головой – как же жаль бедного вдовца. Дымов, могучий и агрессивный пять минут назад, тихо плакал, как испуганный ребенок, повторяя будто молитву одну и ту же фразу: «Это сон, это страшный сон! Она не умерла, нет, нет, Оля не умерла. Это сон».

Лев Иванович почувствовал, как на него накатила такая усталость, что нет сил даже говорить. Начала одолевать дремота, сквозь которую доносились звуки: скуление Дымова, вздохи

Лены, чьи-то шаги, звуки открываемой двери. Он хотел прислушаться, понять, кто пришел в купе к несчастному мужчине, ведь обещал проводнице присмотреть за Дымовым и помочь девушке, если потребуется. Но ритмичные звуки убаюкивали, веки стали совсем неподъемными, и Лев Иванович, уже не в силах сопротивляться, погрузился в тяжелый крепкий сон.

Проснулся Гуров от резкого удара над ухом. «Опять Дымов буянит, – мелькнуло в голове. – Надо помочь, я обещал Светлане». Он попытался приподняться с вагонной полки, но руки и ноги не подчинялись, стали ватными. С трудом Гурову удалось разлепить веки. Он с удивлением отметил, что все вокруг кружится, в голове туман. Кое-как у него получилось сесть, при первой же попытке встать он почувствовал тошноту, а стены купе запрыгали перед глазами словно живые. Лев Иванович с трудом сфокусировал взгляд: Лена мирно спала на своей полке, уже хорошо. Медленно, с усилием он перевел взгляд на окно. За стеклом виднелось небольшое здание с электронными часами, которые показывали 6 утра, красные отблески отражались на скромной вывеске названия станции «Туманный». Дымов, остановка!

Стараясь не обращать внимания на слабость и головокружение, Гуров поднялся и, цепляясь за стены, вышел в коридор. В соседнем купе была тишина. Лев Иванович попытался откатить дверь в сторону, хоть руки почти не слушались. В темноте пустого купе бросились в глаза черный ящик с телом справа и смятая постель на полке слева, но вот самого Дымова в купе не было. Стол, к которому он приковал мужчину наручниками, странно скривился вбок, а на полу застыла лужа крови. «Что за черт, что тут произошло?» Превозмогая себя, Гуров добрался до служебного купе. Здесь тоже царил хаос, все документы из папки с билетами валялись на полу, даже косметика и одежда девушки были раскиданы. На стенках и двери застыли свежие кровавые отпечатки пальцев.

– Света, Светлана! – позвал он проводницу.

Но никто не отвечал. Девушка пропала. Кое-как у Гурова получилось дойти до конца вагона, в тамбуре он дернул ручку двери – заперто. Надо выйти и обратиться в полицию, что-то произошло в вагоне, пока он спал. Лев Иванович лихорадочно принялся дергать ручку. Вдруг дверь перехода между вагонами приоткрылась и показалась голова в полицейской фуражке:

– Эй, гражданин, успокойтесь! Не ломайте государственное имущество.

– Наконец-то, – с облегчением выдохнул Лев. – Идемте, нужна ваша помощь. У нас пропали проводница и пассажир.

– Серега, дуй сюда, – позвал полицейского голос из соседнего вагона. – Я пирогов притащил.

Парень нахмурился, осмотрел странного пассажира с головы до ног и буркнул:

– Ну давай быстрее, чего там. – Присмотревшись к неуверенной походке Гурова, уточнил: – Пили алкоголь?

– Не пил, – бросил в ответ Гуров.

Он и сам начал понимать, как неубедительно выглядит со стороны. Бледный, взъерошенный, идет еле-еле. Сразу хочется приписать его к пьяницам и отмахнуться от рассказов о пропавших пассажирах. Едва он довел парня в форме до служебного купе и ткнул пальцем в кровавые отпечатки, как изнутри поднялась волна тошноты и Лев не смог удержаться. Его вырвало прямо на пол возле входа в служебный отсек. Полицейский брезгливо отскочил в сторону:

– Чего врешь, что не пил. Вон как полоскает тебя. Убирать за собой будешь.

– Уберу, – процедил Гуров сквозь зубы.

Голова хоть по-прежнему кружилась, а все тело от испытываемой слабости покрыл липкий пот, но после того, как его стошнило, в голове стало немного проясняться. В дальнем конце коридора показалась женская фигурка.

– Вот проводница, вот! – Голос у него стал хриплым от натуги, тело совсем не слушалось. – Светлана, где Дымов? Откуда кровь в его в купе и у тебя? Что случилось?

Девушка испуганно замерла поодаль:

– Он вышел, пассажир вышел.

– Кровь откуда? – Туман в голове все еще мешал Гурову сосредоточиться.

– Он порезался о ваши наручники, и я тоже перемазалась в крови. Все в порядке, ничего страшного не произошло. Идите в свое купе, не надо по вагону бродить. – В голосе сотрудницы сквозила паника.

В окне вагона Лев Иванович увидел отражение молодого полицейского, который хлопнул по горлу рукой и вопросительно посмотрел на девушку, а та утвердительно кивнула – да, пил.

– Зачем ты лжешь, я не выпивал вчера, – возмутился опер, чувствуя, как дрожит все тело перед новым приступом рвоты.

Но полицейский лишь хмыкнул в ответ и предупредил:

– Тряпку в зубы и убери за собой, и давай не буянь тут, а то быстро с поезда снимем.

И он исчез за дверью тамбура, торопясь позавтракать пирогами. Света, демонстративно сморщив носик, перешагнула через зловонную лужу и с грохотом закрыла дверь служебного помещения. Гуров стукнул по тонкой перегородке дверной филенки:

– Где Дымов, почему он тело не забрал?

– Грузчики сейчас заберут. Уходите, не шумите, или позову полицию, – раздался ответ из-за загородки.

– Откройте двери в тамбуре, мне надо на улицу.

– Нет, мы уже через минуту отправляемся. Уходите к себе. – Голос девушки звенел от раздражения.

Гуров шагнул в сторону своего купе, ну что он и правда завелся. Поранились, снимая наручники, пассажир буянил и снес стол, гроб сейчас заберут. А ему плохо, потому что, возможно, чем-то вчера отравился.

Но тут же оперативник сделал шаг назад: нет! Он не может сейчас четко сформулировать, что не так, но в вагоне происходит нечто странное. Он в этом уверен, и проводница что-то скрывает. Только доказать или высказать это в более-менее ясной фразе он пока не может.

Гуров заторопился обратно к тамбуру, потом в переход между вагонами, попал в соседний вагон и остановился возле приоткрытой двери служебного купе. В тесной комнатке дорожная проводница хлопотала над столом с завтраком: стаканы, пакеты с пирожками, сахар. Двое рядовых в полицейской форме развалились на узком сиденье, ожидая, когда уже можно будет приступить к трапезе.

– Сыночка, может, тебе сгущенку открыть? У меня баночка припасена. Ты же любишь.

– Ну давай, – сладко зевнул парнишка, который недавно разговаривал с Гуровым. При виде беспокойного пассажира полицейский вскинулся: – Эй, чего бродишь! Топаи на свое место, сказал же! Проблем хочешь?

– Выход, где выход? – прохрипел Гуров в ответ и бросился вперед по коридору в поисках открытой двери из вагона.

– Стойте, мужчина, вы куда? – Пожилая проводница неловко засеменила следом. – Я уже двери сейчас закрывать буду, поезд отправляется! Стойте! Нельзя выходить.

На ее крики выглядывали пассажиры из своих купе, с удивлением провожая взглядом шатающуюся мужскую фигуру.

В тамбуре пожилая женщина преградила ему дорогу:

– Не пушу, иди проспись, еле на ногах стоишь! Все, стоянка окончена. Отстанешь еще, потом моему сыночке штраф из-за такой пьяни, как ты, выпишут.

Она полезла за ключом от двери, но от волнения ее толстые дряблые руки плохо слушались. Состав дернулся и потихоньку начал движение. Медленно проплыл мимо маленький перрон, серое здание вокзала, парочка пассажиров в объятиях встречающих. Дымова на перроне не было, да и гроб его жены никто не нес.

– Эй, ты, пьянь, а ну отошел от двери, – раздался грубый оклик.

Сергей уже звенел наручниками, чтобы остановить надоевшего хулигана. Гуров вдруг отчетливо увидел, как эта троица на него смотрит. Парень с раздражением тянулся к наручникам, второй полицейский постарше брезгливо скривился от тошнотворного запаха измазанной рвотой одежды, пожилая проводница озабоченно нахмурилась, не тронет ли буйный пьяница ее сына. Он ведь так же смотрел на Дымова пару часов назад, когда мужчина плакал и умолял ему поверить, что его жена жива и что он не пил водку. Что-то происходит! Поезд надо остановить!

Лев Иванович повернулся к стене и со всей силы рванул вниз рычаг стоп-крана.

– Ах ты, гадина, что творишь! – заголосила женщина.

Ее сын бросился на Гурова, но промахнулся от резкого торможения состава и впечатался в стену рядом. Проводница от резкого толчка тоже ударилась о стенку. Гуров ловко проскользнул мимо протянутых рук, дернул ручку двери и прыгнул вперед навстречу медленно плывущей полоске гравия. Упав, он сильно ударился о землю, перекатился на другой бок и проехался всем телом по мягкому сугробу на откосе пути. Оперативник тяжело поднялся, бросился бежать, не обращая внимания на боль в ноге. Вдгонку неслись крики:

– А ну стой, придурок, стой! Я тебя на пятнадцать суток посажу!

– Пускай валит, Серега! Его сейчас местные приберут!

– Сыночек, не трогай ты этого сумасшедшего, не надо! – причитала мать вслед спрыгнувшему с поезда Сергею.

Но тот не отставал, судя по топоту ботинок и тяжелому дыханию за спиной. Лев Иванович тоже не останавливался, несмотря на боль в ноге. Вот уже здание вокзала, мерцающие часы над вывеской и мутная слепая лампочка рядом со скромной табличкой «Опорный пункт полиции». Рывком он открыл дверь и чуть не упал, зацепившись за ведро с водой и швабру. От грохота проснулся дежурный, который сидел за столом, сложив на столешнице руки и положив на них голову:

– Ты кто такой? – подняв голову, сонно спросил он. – Что надо?

Следом в дежурку влетел запыхавшийся полицейский из наряда поезда:

– Держи его, алкаш с поезда сбежал! Стоп-кран рванул!

– Понял! – вскинулся дежурный, вскочил со стула и начал обходить стол, чтобы накинуться на беглеца с другой стороны.

Но Гуров знал, что их остановит. За годы работы научился, как обращаться с рядовым составом, тем более таким наглым, чувствовавшим свою хоть и маленькую, но власть и безнаказанность. Рука нырнула в карман куртки, а голос, налитый угрозой, остановил подступающих к нему полицейских:

– Старший оперативный уполномоченный по особо важным делам полковник Гуров! Стоять всем!

При виде красной корочки дежурный и Сергей, растерявшись, замерли, закрутили головами, поглядывая друг на друга – что же делать?

Лев Иванович повернулся к дежурному линейного отдела:

– Сообщение о женщине со станции вы получали? Есть информация о ней?

– С какой станции? – Дежурный от удивления окончательно проснулся. – Никакой информации нам не поступало. Ночь прошла без происшествий.

– Начальник прибывшего поезда не сообщал вам о женщине на соседней станции?

– Да никто не звонил, ничего не передавали, товарищ полковник.

Дежурный все косился то на Гурова, то на полицейского из дежурного наряда, пытаясь понять, как себя вести. Вроде коллега-линейщик гнался за обычным пьяным дебоширом, а тот оказался важной шишкой, хоть и устроил скандал в поезде, но так просто его не задержать.

– А гроб, как же... Гроб из поезда выносили?

– Не было такого, товарищ подполковник. Пассажиры обычные. Никаких гробов.

Теперь дежурный мерял опасливым взглядом крепкую фигуру Гурова. Легко скрутить его не удастся, к тому же еще и бредит гробами какими-то, женщинами. Точно от пьянки «белочка» началась, наверное, надо позвонить начальству и попросить разрешения вызвать бригаду психиатрички для важного опера, пока не перестрелял их здесь из табельного. Вон как крутит головой, высматривает что-то на пустом перроне. Точно галлюцинации начались!

– Ложись! – вдруг закричал безумный опер и рухнул на пол, прикрыв руками голову.

«Точно «белочка!» – Дежурный кинулся к телефону, но в ту же секунду закричал и в ужасе повалился под стол. От грохота заложило уши, от удара взрывной волны задребезжали стекла во всем здании вокзала. От невидимого из окна опорного пункта места, где прогремел мощный взрыв, над вагонами протянулся черный шлейф дыма.

– Мама! – Сергей бросился к выходу, за ним побежал Гуров. В дверях он остановился и крикнул дежурному:

– Звони в пожарку, в МЧС, в «Скорую»! Взрыв в поезде! Надо эвакуировать людей.

Вдвоем они бежали по перрону обратно к вагонам, а навстречу уже хлынул поток людей. С криками сонные пассажиры вылетали босыми и полураздетыми на мороз, в ужасе спасаясь от занимающегося в одном из вагонов пожара. От него образовывалось смердящее удушливое облако, которое накрывало искореженный, разодранный ближе к входной двери вагон. Третий вагон, тот самый, в котором Гуров ехал всю ночь! Теперь часть его превратилась в груды оплавленного черного металла, над которой стоял черный столб дыма и разлеталась во все стороны едкая гарь.

– Лена! – не сдержал Гуров крика и, на ходу обматывая голову курткой, бросился прямо к двери, откуда, гудя, вырывалось пламя пожара.

На ощупь, вздрагивая от боли в пальцах из-за горячего металла, Лев открыл двери, считая про себя секунды. У него минута, чтобы найти Лену, потом организм откажется подчиняться и сработают инстинкты – легкие сделают вдох. Вдох угарного газа, и тут же потеряешь сознание, останешься в огненной ловушке. Сорок девять, пятьдесят, пятьдесят один... Погнутая взрывом дверь купе лежала внутри тесного отсека, накрыв стол. Он сдвинул ее в сторону и почувствовал, как под ногами кто-то шевелится. Лена в одеяле, вся в кровавых отметинах и черных подпалинах стонала, лежа на полу. Живая! Он подхватил тело и потащил к выходу, ощущая, как с каждым шагом его накрывает темнота. Нос и горло невероятно жгло от вонючего воздуха, глаза щипало до слез. Он споткнулся обо что-то и рухнул на пол тамбура. Ползком подтянулся к проему, прижал к себе Лену и рывком бросился вниз. От удара об мерзлую землю перед глазами поплыли разноцветные пятна. 78! Лев Иванович не выдержал и глубоко втянул горькую гарь. Снова подступила мучительная тошнота, и он провалился в черную бездну.

Глава 2

Гуров открыл глаза, обвел взглядом мутную белизну, но так и не понял, где находится. Взгляд никак не хотел фокусироваться, перед глазами лишь двигались размытые пятна. Но, к счастью, нет бьющей в нос едкой вони тлеющего пластика и металла.

– Лена, Лена как? Она жива? – Звуки с хрипом выходили из опаленного горла. Боль скребла острыми когтями по гортани.

– Жива, в реанимации, но прогнозы хорошие, – ответил ему приятный мужской голос. – Ее спасла дверь, которая накрыла пассажирку во время взрыва как щит. И потом спасли вы. У вас отравление угарным газом легкой степени, Лев Иванович. Врачи сказали еще трое суток нежелательно беспокоить. Как вы себя чувствуете? Сможете рассказать, что случилось?

Голос участливо задавал вопросы, рассказывал, вытягивал из обморочной слабости. Лев Иванович смог наконец более отчетливо рассмотреть собеседника. В накинутах белом халате рядом с кроватью сидел молодой мужчина лет тридцати. Аккуратная прическа волосок к волоску, белоснежная рубашка и костюм, тщательно выглаженные, ботинки сияют зеркальным блеском. Когда оперативник попытался привстать, мужчина обрадовался, засуетился:

– Лев Иванович, давайте подушку вам принесу, чтобы поудобнее было. Как хорошо, что вы пришли в себя. А то врач мне сказал не раньше чем через сутки вы сможете говорить. Начальство уже сейчас требует результаты расследования, такое происшествие, трагедия, и в нашем тихом районе.

– Воды. – Голос был совсем чужой. От каждого слова горло и нос продирало будто железной щеткой.

– Конечно, сейчас, попрошу медсестру. – Парень бросился к двери.

Гуров осмотрелся: скромная палата на пять коек была переполнена. Люди лежали даже на медицинских кушетках, самодельных лежаках из тумбочек и строганных досок. Почти все были в сознании, но лежали тихо, с бледными с зеленоватым оттенком лицами после отравления вредными выхлопами при пожаре. Его собеседник вернулся с высокой худощавой женщиной в белой униформе. Та наклонилась поближе, проверила пульс на запястье. Участливо спросила:

– Как себя чувствуете? Тошнота, головокружение есть?

Гуров кивнул, нагружать саднящее горло не хотелось.

– Пейте воду как можно больше, чтобы выводить токсины. Чайник стоит в коридоре. Капельницу поставим вечером, станет лучше.

Медсестра двинулась по кругу, обходя остальных пациентов. Крупный парень, лежащий на сооружении из тумбочек и дверного полотна, забубнил возмущенно:

– Почему у меня даже кровати нет? Я пострадал от взрыва! А лежу на каких-то досках, у меня все тело болит.

– Потерпите, пожалуйста. Много пострадавших, нам некуда размещать людей, – принялась кротко успокаивать медсестра. – Поселковый фельдшерский пункт не рассчитан на такое количество людей, врач не успевает всех осмотреть. Вечером, скорее всего, удастся организовать перевозку в районный центр, там условия будут лучше.

Гуров с усилием приподнялся на кровати, замер, проверяя ощущения. Комната качнулась, но тут же предметы встали на свои места и все очертания стали четкими.

– Как вас зовут?

Молодой мужчина смутился:

– Простите, растерялся и не представился. Андрей Егоркин, я следователь из районной прокуратуры. У нас такое впервые. Взрыв в пассажирском составе. Бывают, конечно, события... но обычные, бытовые. Я немного растерялся... не знаю даже, за что хвататься, – почти

шепотом закончил мужчина, оглядываясь по сторонам, не слышит ли кто из пациентов поселкового фельдшерского пункта его испуганное признание.

– Гостиница здесь есть? Где вы остановились? И моя одежда, вещи, что-то из вагона забрали?

Гуров начал решительно подниматься с койки, медсестра из противоположного угла недовольно наблюдала за его попыткой встать и сделать самостоятельные шаги. Он покачнулся, но удержался на ногах, даже получилось улыбнуться:

– Освобождаю кровать для нуждающихся. Только хотелось бы переговорить с врачом перед выпиской. Где его найти?

– По коридору налево, крайняя дверь. – Женщина вздохнула тяжело. – Но сейчас он может быть где угодно, еще не закончил осмотр. Вашу куртку я принесу из гардероба.

– Спасибо! – кивнул Гуров и, стараясь не обращать внимания на дурноту, шаткой походкой вышел из палаты.

Следователь Егоркин шел за ним.

– Товарищ полковник, давайте я отвезу вас. Тут гостиницы нет, но квартиру можно снять. Вернее, комнату в квартире. Я отвезу вас к себе, только заехал в съемное жилье. Вы мне расскажите, что произошло. Работы очень много, десятки свидетелей надо опросить. Но я решил, что вы как оперативник могли заметить что-то важное. И к тому же вы ехали в том вагоне, где произошел взрыв, почти в самом эпицентре.

Гуров, который осторожно обходил сидящих прямо на полу людей, повернулся к следователю и тихо попросил:

– Андрей, а давай я с тобой буду на «ты». Забери мою куртку, подожди в машине на улице, хорошо? Пять минут, и поговорим обо всем. У врача узнаю о своем лечении.

– Да, хорошо, – закивал мужчина и заторопился к медсестре, которая призывно махала, стоя у двери.

Лев Иванович заглянул за одну дверь – кабинет для приема, здесь тоже организовали палату и перевязочную для пострадавших; возле второй двери его перехватил сморщенный старичок с пигментными пятнами на лице. Седой, с желтыми прокуренными усами, он со строгим видом постучал кулаком по двери:

– Куда, ну? Там операционная стерильная, реанимация мобильная организована! Он грязный, в саже, туда лезет!

И тут же, подслеповато всмотревшись при тусклом свете старых ламп, доктор радостно улыбнулся, узнав Гурова:

– А, герой-спаситель! Уже с кровати вскочил? Ну что ж, удерживать не буду, но пока рекомендую постельный режим, препараты для очищения организма. Свежий воздух, обильное питье. Серьезных травм не нашел, вот плечо только у вас мне не понравилось.

Крепкие пальцы прошли по впадине ключицы по той стороне, на которую Лев Иванович упал, держа Лену на руках.

– Кость не деформирована, может быть, трещина, но это только на рентгене увидим. В районный центр с общей партией запишитесь у медсестры на перевозку, глава районного центра пообещал машину и дать в помощь врачей. У нас – увы и ах, дефицит бюджета. Кроватей не допросишься, какие уж рентгеновские аппараты.

– Спасибо, я чувствую себя вполне сносно. Лучше скажите, как Лена? Девушка, что пострадала при взрыве, она была в самом центре.

– У нее крепкий молодой организм, ей повезло. Ссадины, кровоподтеки, гематомы значительные, но переломов или сильных ожогов нет. Сильнее всего она пострадала от вредных испарений при пожаре. Я собрал все необходимые препараты из соседних поселков, будем ставить ее на ноги. Через пару дней выведем из острого состояния и отправим долечиваться в рай-

онный центр. Прогнозы хорошие, вовремя вы ее вытащили, еще минут пять, и уже последствия отравления были бы необратимы.

– Спасибо, спасибо, доктор. Еще можно будет задать пару вопросов? Если, конечно, у вас есть время. Много пострадавших, я слышал.

– Много, – вздохнул старичок и метнул испытующий взгляд на Гурова: – Вы ведь из полиции, верно? Из Москвы. Не удивляйтесь, у нас информация быстро передается, поселок уже в курсе. Может быть, хоть это происшествие заставит их расшевелиться. Ведь главная проблема в том, что у нас в фельдшерском пункте ничего нет. Лекарственных препаратов, персонала, приборов. Даже элементарных койко-мест. Вот что значит коррупция, все, что не приносит деньги, гниет и разрушается. – Перехватив удивленный взгляд оперативника, врач с горечью вздохнул. – Не обращайтесь внимания, ворчу по-стариковски. Хочется тоже спасителем быть, а не оправдываться, почему не могу оказать помощь пострадавшим.

– Сколько их?

– Девять человек с диагнозом отравление угарным газом, все пассажиры взорванного вагона, больше тридцати, с мелкими порезами, травмами от отлетевшей обшивки. Ну и так, по мелочи, впечатлительные бабульки с подскочившим давлением. Пока цифры примерные, легкие больные ждут осмотра, только начинаю с ними работу.

– Погибшие есть?

– Если и есть, то не в больнице. Ими уже спасатели занимались, в больнице из серьезно пострадавших лишь ваша знакомая.

– Спасибо. – Лев Иванович хотел бы сказать что-то ободряющее, теплое, глядя на поседевшее озабоченное лицо пожилого врача.

Старый доктор, явно пенсионного возраста, в темном крошечном здании без ремонта, с тусклым освещением. Пятна на потолке, ободранные стены, вытертый линолеум – все здесь кричало о крайней бедности. В таких ограниченных условиях он борется, хлопочет о состоянии каждого пациента.

Но в глазах у Льва Ивановича уже темнело, носоглотка горела огнем от долгого разговора, ему нестерпимо хотелось выйти как можно быстрее на свежий воздух, поэтому он промолчал.

– Я найду к вам попозже, когда станете посвободнее? – спросил он, переборов свое состояние. – Мне кажется, вам есть что мне рассказать. Спасибо еще раз, что позаботились о Лене. Если что-то будет необходимо – скажите.

– Обязательно, заходите, за вами еще надо понаблюдать. Уезжать пока не советую, здоровье слабовато. Отлежитесь хотя бы дня три, герой.

Старичок ободряюще похлопал Гурова по руке и двинулся дальше осматривать ожидающих по всему коридору пациентов. А Лев Иванович поспешил к выходу. На кривом деревянном крыльце ноги совсем его перестали слушаться, и он с размаху опустился в серый сугроб. Егоркин, сидевший за рулем, засуетился, выскочил из машины, помог подняться:

– Осторожно, вот ваша куртка.

От едкого запаха гари изнутри поднялась тяжелая волна тошноты, все вокруг стало зыбким. Гуров вытащил из карманов телефон, документы, портмоне, а куртку протянул обратно.

– Упакуй в пакет и приобщи к вещдокам. Может, следы взрывчатого вещества найдутся. По пути Расскажи, что произошло, а я уже своей версией поделюсь, сообщу, что помню.

В несколько тяжелых шагов Лев Иванович преодолел дорогу к новенькому автомобилю и обмяк на пассажирском сиденье. Егоркин пристроился за рулем, поглядывая на опытного опера, заговорил в своей торопливой манере:

– Здесь недалеко, пять минут, – и приедем. Ну что можно рассказать о произошедшем. От дежурного из линейного пункта на вокзале поступил сигнал о взрыве в вагоне пассажирского поезда. Взрыв не сильный, централизованный в конкретном купе. Эксперты еще работают, причины и обстоятельства происшествия не установлены. Здесь в поселке нет лабора-

торий, да здесь ничего нет, кроме церквушки да святого источника, из которого живую воду по бутылкам разливают. Все население Туманного на этом заводе по разливу воды работает. Я был на месте взрыва, осмотр не провел, поскольку в вагон пройти невозможно. Все в саже, запах просто адский. Тело обнаружили одно в купе номер три, очень обгорелое, не опознать, кто это. Вообще от взрыва купе вместе со всем содержимым превратилось в ошметки, даже не знаю, сколько в лаборатории провозятся с идентификацией. Билеты тоже сгорели, проводница из третьего вагона исчезла. У меня есть версия, что это она зашла перед взрывом в купе и погибла. Больше никто серьезно не пострадал, кроме вашей коллеги. Испугались, конечно. Шутка ли, эвакуация целого состава в пятнадцать вагонов, ждали, что опять рванет. Сейчас состав убрали с рельсов. Остальные вагоны, всю станцию минеры с собаками осматривают. А так... непонятно, кто и зачем устроил взрыв.

Егоркин пытливо взглянул на Гурова, что он думает. Не нашел ответа на свои вопросы и продолжил размышлять:

– Может, просто несчастный случай? Хотя я думаю, что так могло бахнуть в купе? Ни крупного электроузда, ни горючих материалов там нет. Я вот хотел с вами посоветоваться – как такое могло произойти, каковы мотивы. Даже не знаю, с какой стороны подступиться, такое сложное дело. – Молодой следователь помолчал и вкрадчиво и с надеждой спросил: – Может быть, это вам отомстили за расследование? Вы ведь крупными делами занимаетесь, серьезными... люди разные бывают, особенно преступники. Как думаете, Лев Иванович, могли такое вам враги устроить? – В глазах Егоркина мелькнул страх. – Вам, наверное, лучше тогда в районный центр поехать? Только туда добраться сложно, автобус ходит два раза в день, утром и вечером. А электрички сейчас отменили. Давайте вечером отправим вас с больными?

– Не бойся, – ухмыльнулся Гуров его испугу. – Все мои враги за решеткой или где подальше. Версию о мести можно отработать, но не как основную. Непонятно, случайный был взрыв или направленный на уничтожение кого-то конкретного. Ведь получается, что в конечном итоге погиб случайный человек – проводница.

– Ну да, – подхватил Егоркин. – Какие у нее могут быть враги, обычная женщина.

Гуров прикрыл глаза, так размышлять было проще, не так сильно жгло опаленные веки.

– Если целью взрыва был определенный человек, то круг подозреваемых сразу сильно сужается. Локализация конкретная, взрыв в купе номер три, где ехал единственный пассажир. Причем очень странный.

И Лев Иванович пересказал Егоркину все события долгой ночи, как он и проводница никак не могли утихомирить Дымова. Только делиться своими подозрениями о том, что в вагоне произошло еще что-то, кроме скандала с пьяным пассажиром, не стал, вспомнив, как странно вела себя проводница Света. Не стоит путать парня сейчас вопросами, на которые у него самого нет ответов. Лучше попросить генерала Орлова присоединить Гурова к следственной группе, издав официальный приказ, все-таки взрыв на железной дороге – неординарное преступление. Задержится здесь и сам разберется в произошедшем. Пострадавших масса, к тому же среди них сотрудница МВД. Неужели Лена была целью преступления? Но ведь она находилась в соседнем купе...

Додумать свою мысль оперативник не успел. Егоркин остановил машину перед старым облупленным домом в три этажа и протянул плоский простенький ключ:

– Держите, квартира два. Там три комнаты. Мои вещи в дальней. Вы занимайте любую. Я не знаю, во сколько освобожусь вечером. Так что...

– Опрашивай свидетелей, ищи тех, кто видел перрон перед взрывом, – посоветовал Лев Иванович. – Собирай сведения, вечером обсудим и подскажу, какую версию лучше отработать. Если смогу, то тоже подъеду на вокзал, помогу с оперативными действиями.

Егоркин с облегчением вздохнул и совсем по-приятельски предложил:

– Там в холодильнике обед, жена приготовила. Вы ешьте, я не доберусь до него сегодня. Эх, говорила мне мама, иди лучше в адвокаты, чем в прокуратуру.

Сияющая белизной машина поехала обратно, к окраине поселка в сторону станции, а Гуров задержался на улице. Он с наслаждением вдыхал свежий воздух, хотя без верхней одежды дрожал от холода. Каждый вдох, свободный без обжигающей боли, освобождал тело от боли и ломоты. В голове прояснялось, и мысли начали выстраиваться цепочкой. «Будто вагоны поезда», – он улыбнулся собственным ассоциациям и наступил на деревянные ступени покосившегося крыльца. На скрип щелистых половиц тут же залаяла собака, а из окна на первом этаже показалась седая голова в пестром платке:

– Кто там ходит?

Но ответить он не успел, старушка, втянув воздух, сразу же почуяла запах гари.

– Это вы, что ли, с пожара на вокзале? Меня товарищ ваш упредил, что еще понаедет полиция. Проходите, покажу, где что лежит.

В глубине комнаты застучали дробные шажки, и вот уже старушка в теплом байковом халате и толстой мохеровой кофте стояла на площадке, приветливо кивая:

– Заходите, заходите, я как раз хотела забежать – постельное вытащить с полок. У командировочных своих простыней нет. Мне и соседка сказала, что ты, Настасья, квартиру сдала, а об такой вещи не догадалась. В шифоньерах все лежит, чистенькое, берите. Мы же тут с мужем двадцать лет прожили, стоит квартира, а я сама у соседки живу, ухаживаю за ней. Лежащая она, горемыка моя. И вода святая наша не помогает, хоть, говорят, она любого с постели поднимет. А вот поди ж ты. Батюшка Тихон сказал, что грешила она много по молодости, вот и не действует чудо. Скакала по танцам да по гулькам, а теперь боженька ног ее лишил, сама виновата. Ну я приглядываю за ней, молитвы каждый день читаю, водичкой нашей живой пою. А тут кума паспортисткой работает, говорит, давай сдавать будем твою трешку, все прибавка к пенсии. Хорошо, что вы приехали. Так-то в Туманный наш мало заезжают, все больше норовят в райцентр сбежать, кто помоложе. Вы первые будете в квартирке проживать, хоть мне на черный день денег отложу. Ох ты, – сокрушенно покачала хозяйка квартиры головой. – Вот черт меня за язык дернул. Ох, чего мелю, у людей горе, поезд сгорел, а я радуюсь, что копеечку получила. Совсем старуха из ума выжила, не знаю, что болтаю.

Старушка сноровисто перебирала в громоздком старом комоде стопки постиранного белья, подслеповатыми глазами проверяя, нет ли прорех на простынях и наволочках. Гуров присмотрелся к портрету на полке гигантской чешской стенки во всю длину комнаты. На фотографии с траурной каймой застыл мужчина в военной форме. Сын, наверное, – понял Лев и уточнил:

– Бабушка, а у вас нет одежды для меня? Весь гарью пропах, невозможно дышать. У вас магазинов с одеждой, наверное, в поселке мало. Может, найдете что-то накинуть на один раз? Я заплачу вам, еще к пенсии прибавите.

– Есть, есть. – Старушка с готовностью бросилась к соседней двери и распахнула ее. – Вот, сына комната. Я здесь и не трогаю ничего, только прибираюсь. В шкафу берите, что понравится. Не надо денег, пускай вам польза будет. Выкинуть рука не поднимается, память о сыночке. Так хоть человеку хорошо будет, и вы, может, его добрым словом помянете, почитай, как молитва.

– Спасибо. – Лев Иванович кивнул, но пройти дальше в комнату не смог. От накотившей слабости он присел на диван, чувствуя, как дрожат ноги, а по спине катится пот. Он уже начал принаравливать к приступам слабости и старался не шевелиться, чтобы побыстрее исчезли черные пятна перед глазами.

Хозяйка в смущении отряхнула невидимые пылинки с халата:

– Вы заходите, если что понадобится. Я в соседней квартире всегда. Пользуйтесь, побегу, пора уколы делать инвалидке моей.

Хлопнула дверь, по квартире прошелся сквозняк, и воцарилась тишина, только на стене громко тикали большие часы. Лев Иванович достал из кармана телефон – так и есть, разряжен. Надо срочно найти зарядку, смыть в душе осевшую на него гарь, переодеться. Начальство и жена наверняка места не находят от беспокойства. Он тяжело приподнялся и стал обходить комнаты. Удача ждала его на кухне. На столе Егоркин оставил шнур с вилкой, поэтому уже через минуту загорелся индикатор, а телефон загудел от сотни сообщений от коллег, жены Марии. Кроме того, высветились пропущенные вызовы с номера телефона генерала Орлова, его начальника в управлении.

В течение часа Гуров успокаивал жену, бодрым голосом рассказывал ей о произошедшем, опуская часть событий. Наконец волнение жены улеглось. Генерал Орлов, выслушав Гурова, выдохнул:

– Жив! Молодец, что Лену вытащил! Оставайся пока там хотя бы сутки, выделим нашего сотрудника и отправим в помощь разбираться с этим взрывом. Расскажешь, что знаешь.

Но Лев Иванович предложил:

– Издайте на меня приказ, включите в следственную бригаду.

– Какое расследование, Лев, ты в больнице, мне сказали! Лежи и не геройствуй! – Орлов знал своего подчиненного, что тот не может усидеть на месте, если рядом произошло преступление.

– Я уже выписался из больницы, квартиру себе нашел. С прокурорским местным поговорил, так что первичная информация для работы уже собрана.

– Ох, Лева. Еле живой, а его опять на расследование тянет. Ладно, будет тебе приказ. Только завтра утром жду доклад, какие версии ты выдвинул. Если это просто хулиганство или линейщики пропустили какую-нибудь запрещенную перевозку, то пускай сами разбираются.

Лев Иванович только усмехался на строгие приказы начальника, понимая, что Орлов еще не отошел от страшной новости: два сотрудника управления уголовного розыска оказались в центре взрыва и чуть не погибли. Конечно, генерал готов рвать и метать, обвиняя в случившемся линейное подразделение полиции, которое отвечает за безопасность и происшествия на всех вокзалах и участках железной дороги. Наверняка досталось даже секретарю Верочке, которая и заказывала им с Еленой билеты. Орлов в гневе был резок и разносил все вокруг, не скупясь на крепкие слова. Только за таким бурным поведением скрывалась забота о своих сотрудниках, что регулярно рисковали жизнью, сталкиваясь с самыми жестокими преступниками и их деятельностью.

– Петр Николаевич, скажите, Елена когда-нибудь вела расследование крупного дела, чтобы обвиняемые ей угрожали?

– Думаешь, что на нее был рассчитан взрыв? Ну даже и в голову ничего не приходит. Лена раньше на темняках сидела, мелкие кражи, а после декрета вышла к нам по рекомендации ее начальницы, год как только работает. Единственное крупное дело, которым она занималась, было по таксисту, что своих пассажиров убивал. Серия убийств в крупных городах тянулась несколько лет, помнишь?

– Да, так он же вроде с собой покончил в тюрьме еще до суда, – вспомнил Лев обсуждаемое в кулуарах громкое и долгое расследование.

– Вот именно что, поэтому ее с тобой на похожую серию преступлений отправили, проверить, нет ли совпадений. Так что врагов особо она не нажила, к счастью.

– Ну тоже хорошо, можно эту версию оставить. Подумаю, пока конкретных деталей маловато, чтобы выводы делать. Утром сообщу, что еще в голову пришло.

Он не стал рассказывать Орлову о Дымове, обнаженной женщине на полустанке, странном поведении проводницы. Это отдельные факты, которые никак не укладываются в логическую цепочку. Сейчас лучшее, что можно сделать, – принять душ, выбрать вещи с чужого

плеча и составить список вопросов на бумаге. Этот ритуал всегда помогал Гурову упорядочить мысли и действия, направлял его по верному пути.

* * *

Через несколько часов наконец проснулся аппетит, но трогать домашний обед, который великодушно предложил ему Егоркин, Лев Иванович постеснялся. Он порылся в шкафу, почти вся одежда оказалась ему по размеру, хотя выбор был и невелик: парочка спортивных костюмов да парадный костюм с отливом, лента «свидетель жениха» в кармане. «На свадьбу не собираюсь, так что буду спортсменом», – принял решение Гуров и переоделся в синий спортивный комплект из толстовки и штанов, наконец избавившись от въедливого жженого запаха. Сверху он накинул дубленку и кепку. Остальное после стирки проветривалось на провисших балконных веревках под зимним ветерком. Перед выходом Гуров окинул себя взглядом и не удержал смешок – из зеркала на него смотрел провинциальный полубандит из 90-х годов.

На скрип старых ступенек сразу откликнулась старая Настасья, дремавшая на своем посту у окна.

– Ох, как издалека на сыночку моего похож, такой же ладный! Прямо радостно на сердце. Прогуляться собрался? Это правильно, подыши, подыши воздухом. Места у нас хорошие. В церкву зайди, воды живой выпей, от всех болячек лечит, чудеса творит. По всей Рассеи ее знают.

– Да, пройдуся. До вокзала мне вот по этой дороге налево? Долго идти?

– А у нас поселок махонький, хоть налево, хоть направо иди. Дорога одна, от завода и до вокзала. Да церква между ними. Не ошибешься. Ты поди голодный, держи, угощайся. – Сухонькая ручка просунула между решеток сверток из салфеток. – Сама пекла блинчики, на нашей воде святой. Лежачую мою не поднимает вода-чудесница, так хоть блинчики на ней готовлю, добавляю помаленьку. Может, тебя подлечит, зеленый весь от работы.

– Спасибо! – Довольный неожиданным угощением, Лев Иванович забрал сверток и зашагал по узкой асфальтовой дорожке вдоль стареньких трехэтажек, по пути за пару минут расправившись с еще теплыми блинами.

До самого вокзала он практически не встретил ни одного взрослого человека. Вдоль полосы из низеньких домов шумела лишь пара школьников, пытавшаяся впрячь в санки большую лохматую дворнягу. По магистрали, которая разрезала город, проносились длинномеры. Судя по болтающимся бокам, они шли в глубину города пустыми, а обратно возвращались до отказа набитые грузом.

«Что они везут из этого поселка? Кажется, что-то Егоркин, а потом Настасья говорили о розливе святой воды. Может, она и святая, но после блинов плечо болеть не перестало», – на ходу размышлял Гуров.

Неспешно, чтобы снова не впасть в обморочное состояние, он дошел до низенького здания фельдшерского пункта. Снаружи старая постройка еще сильнее, чем изнутри, резала глаз неухоженным видом. Деревянные стены вспучились и местами прогнили, зияя черными проломами, все линии крошечного домика были перекошены, видимо, из-за просевшего фундамента. Рамы с облупленной краской, огромные пятна плесени по всему фасаду наводили на унылые мысли о крайней бедности поселка. Возле крыльца толпились пациенты, стараясь протиснуться поближе к худому священнослужителю в черной ризе. Тот монотонно читал молитву, окропляя огромной кистью людей перед собой.

В стороне от службы между черных лохматых кустов за происходящим наблюдал старый доктор. Он швырнул на землю окурков и примял его подошвой. Гурову без слов было видно, как раздражен происходящим старик. «Да уж, главный врач старается, лечит, лекарства выбивает, выслушивает претензии, а тут пришел поп со святой водой, и к нему люди в очередь с бла-

годарностью», – посочувствовал он про себя раздосадованному медику. Сам, как сотрудник МВД, он тоже сталкивался с таким двойным отношением к его работе – претензии на медленное расследование от пострадавших, и при этом со стороны подозреваемых регулярные жалобы в превышении полномочий или ложных обвинениях. Отсюда оперативник и выработал свои принципы в работе, которые помогали ему долгие годы не сломаться перед соблазном раскрыть дело побыстрее, – честность и усердие. Поэтому доверяли Гурову и обращались за помощью все, кто работал рядом, зная наверняка, что тот разберется с трудной загадкой на совесть.

На вокзале уже не было толпы кричащих перепуганных пассажиров, их переправили автобусами на следующую станцию, люди, наконец, смогли добраться до конечного пункта своей поездки. Теперь на смену им пришли сотрудники МЧС и эксперты из МВД. Все вокруг пестрело сигнальными лентами, огораживающими место происшествия. Над искореженным вагоном трудились люди в форме, разбирая его на части, чтобы отправить на более детальное лабораторное обследование. Егоркина он нашел в знакомом помещении дежурки, только теперь она превратилась в следственный штаб. Прокурорский работник, усталый, уже не такой лощеный, как утром, в примятой рубашке, с растрепанной прической, стучал по клавишам ноутбука, записывая показания дежурного полицейского. Тот при виде Гурова вскочил, отдал честь, а потом с удивлением замер, так и не опустив руку. Егоркин тоже был удивлен внешним видом оперативника:

– Лев Иванович, вы как будто из фильма «Бригада».

– Хотя продуктами взрыва не пахну. Ты как, Андрей, уже закончил?

Но Егоркин в ответ лишь бессильно махнул рукой, работы еще конца-краю не видно. Весь день он без обеда и перерывов опрашивал свидетелей, записывая многостраничные протоколы, и сейчас мечтал лишь об одном – еде и сне.

– Тогда давай я еще пару вопросов задам свидетелю. Пойдем на свежий воздух. – Гуров кивнул, и полицейский пошел следом за тяжелые двери отдела.

Ну улице Лев Иванович не торопился начинать разговор, вернее, засыпать вопросами дежурного линейного отдела. Тот, серый от усталости, совсем не такой бойкий, как утром, явно был раздражен бесконечной суетой, что поднялась после взрыва. Одни и те же вопросы, одни и те же ответы несколько часов подряд, от такого любой начнет злиться и постарается как можно быстрее отвязаться от навязчивых оперативников и следователей. Пускай лучше поймет, как важно его мнение, его воспоминания о взрыве.

Гуров окинул взглядом огромную площадку, заполненную людьми, черными обломками, тревожно мигающими фонарями. Картинка была пугающей, сразу становилось понятно, что здесь произошло большое несчастье.

– Сколько наворотил делов один человек, да? Жили себе спокойно, своими делами занимались, а взрывник все испортил так, что теперь и за неделю не исправить.

– Да я бы ему врезал за такое хорошенько, – злобно погрозил рядовой кулаком в пустоту. – Отпинал бы, чтобы кровь из всех отверстий лилась. Мы так в армейке учили тех, кто косячил.

– Ты сам что думаешь, кто это мог сделать?

– Не знаю даже. – Парень беспомощно развел руками. – Ничего за ночь не было, ни сообщений, ни звонков.

– Задремал? – Гуров вспомнил, каким заспанным и помятым было утром лицо дежурного.

– Было немного, – признался тот со вздохом. – Только начальству не пишите рапорт, прошу! Меня ж из полиции попрут, а у нас тут работы нет совсем. На железку придется идти или на завод. Лить эту воду не хочу я, ненавижу ихний завод и попа этого.

– Почему же? Говорят, вода у вас какая-то необычная.

– Да это все поп начал, а старухи всякие разнесли, потом в газеты ушло и по телику даже показывали. У попа слезы кровавые идут, типа как у Христа из-за страданий людей. Чудо, короче. Ну вот он воду из источника освящает этими слезами, капает туда, и вода тоже краснеет. Святой становится, людей лечит. Только я не верю в эту сказку. Мать всю пенсию тратила на воду, покупала ее литрами. Батю в ней и мыла, и поила, а он дальше пьет, как и раньше. День без чекушки прожить не может. Только теперь я не даю ему руки распускать, хватит, теперь я дома главный.

– Ты молодец, – похвалил оттаявшего парня Гуров. – Расскажи, что помнишь, не торопись. Со вчерашнего вечера.

– Да все как обычно, говорю же. Заступил на дежурство, записи всякие сделал. Беляшей купил у тети Сони. Она торгует тут весь день, пока поезда идут, сколько себя помню, работает на вокзале. Ну киношку смотрел, хотел пол помыть. Достал тряпки, ведра и воду приготовил. Вообще у меня мама тут в отделе уборщицей оформлена, но, когда моя смена, я вместо нее мою, пока никто не видит. Она нас с братом и так тянула на трех работах, хоть помочь ей чуток могу. После уборки присел в кресло передохнуть и задремал. Тут вы с Горшком, ну, вернее, с Сергеем Горшковым, залетели, и началось. Крики, взрыв, пассажиры как бешеные сюда ломанулись. Я сначала под стол упал, как грохнуло. А потом, как вы приказали, звонить бросился – в больничку, пожарным, начальству.

– Ты его знаешь, сотрудника из полицейского наряда с поезда?

– Серегу Горшкова? Конечно, мы с ним в одной школе учились, он только на год младше, потом вместе пошли в полицию. Он в ППС на сопровождение поездов, чтобы к матушке поближе, у него мамка всю жизнь проводницей работает. Говорю же, у нас или на железке, или на заводе работают в поселке.

– С ним как поговорить?

– Ну домой, наверное, его отправили. Давайте я ему позвоню, так забегался, что забыл даже узнать, как он там.

– Набирай, пускай скажет – где его найти, скажем, через час. Поговорить надо.

Пока дежурный общался по мобильнику, Гуров еще раз оглядел территорию небольшой станции: густая сетка железнодорожных путей, широкий мост через них и кучка утлых домишек, что выстроились в беспорядке вдоль путей за полосой пролеска. Ряд из старых осыпающихся трехэтажек да разваливающиеся дома – вот и весь поселок.

– Мать к фельдшеру он возил, на работе отпросился. Сердце у нее прихватило во время взрыва. – Рядовой протянул измятый обрывок квитанции. – Вот адрес Горшка, они с матерью только что домой приехали. Я сказал, чтобы не уходил, сидел вас ждал.

– Спасибо. В какую сторону к нему?

– Это вон туда, – парень указал на окраину пятачка из серых домишек. – Вы через станцию по мосту перейдете и все время направо держите, забор из баннера РДЖ у него, сразу узнаете.

– Хорошо. Если вспомнишь что-то важное, то свяжись со мной.

– Я знаю, как вас найти, вы у бабки Настасьи остановились.

Гуров в очередной раз удивился, с какой скоростью расползаются, вернее даже, разлетаются, новости по поселку. Уже все жители, кажется, в курсе приезда районной и московской полиции, вплоть до места их проживания. Хотя и немудреная загадка: гостиниц в поселке нет, так что скорее всего пустая квартира пенсионерки единственный вариант временного жилья.

Измотанный долгими часами работы, Егоркин почти вывалился на улицу:

– Все, больше не могу, голова совсем не соображает. Давайте на квартиру.

– Давай я сяду за руль, – предложил Гуров и, не дожидаясь ответа, распахнул дверь с водительской стороны.

– Только вы осторожно, – жалобно попросил Андрей, втискиваясь на узкое переднее сиденье. – Машина в кредит, вторую неделю только езжу.

– Я по-другому не умею, не переживай, – успокоил парня Гуров.

Заметив, как с облегчением опустились у него веки и расслабилось тело, он сразу произнес:

– Ты приказ о моем включении в следственную группу получил? Я согласовал с начальством, чтобы официально принять участие в расследовании.

Егоркин без слов похлопал по документам в рабочем портфеле.

– Не засыпай, Андрей, рассказывай, какие итоги дня. – Лев Иванович не давал парню расслабиться. – Я тебя отвезу сейчас, а потом у меня еще дела. Еще с одним свидетелем встречу.

Молодой мужчина встрепенулся, сбрасывая дремоту, тяжело вздохнул:

– Ну так что, в купе, где произошел взрыв, обнаружены фрагменты обгоревшего тела. Предположительно женщина, сотрудница РЖД, проводница вагона номер три. Запрос в управление я уже подал, оттуда прислали отчет, кто был в рейсе. Причина смерти пока не установлена. Да там и думать нечего, разметало ее взрывом на кусочки, даже опознавать нечего. Передали пока патологоанатомам. По данным, которые подала администрация, за вагоном была закреплена Селиванова Светлана Юрьевна. Больше погибших не обнаружено.

Голос у парня становился все тише, измученного длинным днем следователя клонило в сон.

– Причина взрыва тоже устанавливается, техник из МЧС сказал, что, похоже, использовали небольшую порцию тротила в сочетании с дешевым мобильником, у которого закоротили провода так, чтобы при звонке возникала искра. Устройство простое, такое соберет даже школьник.

– Но динамит в «Детском мире» не купишь, – заметил Гуров.

– Это вы что имеете в виду? – Андрей с усилием сосредоточился.

– Ничего, мысли вслух. Продолжай.

– А-аа... – Сил у парня на осмысление совсем не было, но он просиял, когда начал рассказывать о самом важном: – Так вот, самое интересное, что мы нашли телефон и там черновик с требованием выкупа!

Они уже подъехали к дому, в окне между занавесок мелькал знакомый цветастый платок.

– Давай зайдём в квартиру, и ты расскажешь подробно. – Гуров не хотел, чтобы их разговор подслушивали. – А то здесь у стен, и окон, и у домов уши есть.

На кухне, пока Егоркин медленно снимал верхнюю одежду и измятый пиджак, Лев приготовил ему огромную чашку крепкого чая.

– Давай глотай и рассказывай по порядку. Кто нашел, что за черновики, установили, чей телефон?

Егоркин со стоном хлебнул горячий напиток:

– Неужели рабочий день закончился. Ну так вот, телефон нашел взрывник с собакой. Она взяла след и привела к телефону, который лежал далеко от путей. Наверное, его отбросило взрывной волной. В телефоне в черновиках неотправленных эсэмэс был текст о том, что поезд заминирован, и требование выкупа за жизнь пассажиров в десять миллионов рублей, которые необходимо перевести на банковский счет.

– Пробыли владельца счета и номера телефона?

– Счет анонимный, вне России. Подключили к делу наших компьютерных спецов, они говорят – это лишь часть схемы, потом деньги несколькими частями рассылаются по частным банкам в разных странах на неименные счета. А позже преступник уже лично обналичивал бы их по цифровому коду.

– А след с телефоном? На кого оформлена сим-карта?

– На пассажира, который ехал во взорванном купе. Гражданин России Дымов Олег Дмитриевич, между прочим, инженер-проектировщик системы железнодорожных составов. Пенсионер.

– Дымов...

– Вы его видели в вагоне во время поездки? Это вы о нем говорили – странный пассажир, который всю ночь буянил?

– Да, мельком в коридоре его видел, когда помогал проводнице утихомирить хулигана. – Гуров и сам не мог объяснить, почему не рассказывает коллеге о криках Дымова и его утверждении, что он не везет с собой мертвую жену в гробу.

Но Андрей и не заметил заминку в реплике напарника. Он рассказывал дальше, ликуя, что расследование оказалось таким простым:

– К тому же Дымов пропал сразу после взрыва, его не было среди раненых или пассажиров, которых переправили на соседнюю станцию. Я проверил списки. Ни его, ни жены.

– Может быть, он сошел на остановке в Туманном перед взрывом и забрал с собой тело? Как тебе такой вариант?

– Какое тело? – удивился Андрей.

– Тело жены, Дымов вез в купе гроб с телом жены до места захоронения.

– Нет, Лев Иванович, вы что-то путаете. Не было никакого тела и гроба. Жена Дымова ехала как обычный пассажир. Ее, кстати, тоже нет в списках пассажиров, которых переправили в райцентр. Пропали оба. Неспроста это, уверен, что они связаны со взрывом. Все на это указывает – мобильник, побег...

– Подожди, Андрей, ты не торопись, наверное, я и правда что-то напутал. Расскажи, что по Дымову удалось найти.

– Он на пенсии, ехал с женой Ольгой, тоже пенсионеркой, в районный центр рядом с Туманным, поселок городского типа Золотов. Она там родилась, судя по данным в паспорте.

– То есть конечная остановка у него была не в Туманном, а на следующей станции?

– Через одну. Сначала Туманный, потом состав прибывает в районный центр, а уже следующая станция – конечный пункт поездки Дымова, если судить по билету. А исчез он с женой во время взрыва, на предыдущей станции. Так что все данные указывают на Дымова или семейную пару Дымовых. Они оба исчезли без следа. Телефон, взрыв именно в его купе. Может быть, он неудачно осуществил задуманное и не успел отправить эсэмэс, на железке часто из-за помех связь глючит. Или взрывное устройство сработало не вовремя, а Дымовы спаслись и сбежали.

– Много вопросов и версий, это хорошо, Андрей. Но давай на свежую голову выстроим варианты, а сейчас ложись спать. Завтра подъем в семь утра, и за работу, я к тебе подключаюсь уже полноценно. Обед, кстати, так тебя и ждет в холодильнике.

– О-оо. – Егоркин радостно выгреб два контейнера и с удивительной нежностью открыл крышку того, где лежал кривобокий бутерброд с огромными кусками сыра и колбасы. – Дочка приготовила в дорогу, сама. Пять лет, а вон какая хозяйшечка растет, о папке заботится.

– Вкусный, думаю. – У Гурова защемило внутри, поскорее бы домой к любимой жене Марии. – Приятного аппетита, я прогуляюсь, мне еще в одно место надо. А ты давай ужинать и спать. Оставь все бумаги на столе, я как вернусь, прочитаю показания свидетелей и описание места взрыва.

– Угу, – закивал парень, он уже с удовольствием поглощал домашний ужин, запивая крепким чаем.

Лев Иванович же накинул дубленку и зашагал обратно к станции, в сторону моста, к дому Сергея Горшкова. На ходу он обдумывал все вопросы, которые ворохом навалились после разговора с прокурорским следователем. Но даже если ответа на них и нет, то ясно одно – Дымов имеет прямое отношение к взрыву, скорее всего поддельные документы о смерти жены он использовал, чтобы пронести взрывчатку в вагон, минуя на вокзалах металлодетекторы

и рамки. Но какую роль сыграла в этом деле его жена, куда она пропала? Гуров вспомнил о пожилой женщине в окне, что он успел заметить на соседней станции. Если чета Дымовых задумала теракт и хотела потребовать выкуп, тогда зачем пенсионер шумел и привлекал к себе лишнее внимание, рискуя провалить операцию? Что, собственно, и произошло. Неужели просто дал слабину и выпил лишнего от волнения перед будущим преступлением? Прав Егоркин, хоть и торопится с выводами. Все улики указывают на Дымова – телефон с черновиком эсэмэс, гроб с поддельными документами, побег после взрыва. К тому же он сам бывший работник железной дороги и мог детально спланировать операцию, зная правила перевозки. Оформил обычный билет на жену, а потом уже всучил молоденькой неопытной проводнице поддельные документы. Скорее всего, взрыв и не должен был никого убить, а лишь напугать, чтобы ускорить передачу денег. После первого взрыва никто не стал бы ждать, когда Дымов отправит на воздух весь состав, и он получил бы свои деньги.

Но что-то пошло не так... Обычный алкоголь спутал все карты? Надо найти взрывника, и тогда он сам расскажет о своей неудачной попытке обогащения. Раствориться в воздухе такой габаритный персонаж не мог, в маленьком поселке бесследно даже по улице пройти невозможно, поэтому стоит завтра начать его поиски.

Глава 3

С головой уйдя в размышления, Гуров и не заметил, как оказался перед мостом через железнодорожное полотно. Очнулся от неприятного тягучего ощущения на затылке и сразу понял – за ним следят. Кто-то идет по следу, и это местный, который знает каждую щелку в поселке, потому что как Лев ни старался, петляя и делая резкие повороты, но преследователя сзади заметить не смог. Пускай тогда смотрит и видит, что оперативники отрабатывают все ходы, отрабатывают версии, общаются со свидетелями. «Не буду показывать, что заметил слежку. Расслабится, перестанет быть осторожным, тогда и подкараулю, узнаю, зачем за мной следит», – решил про себя Лев Иванович.

Дом Горшковых он узнал, как и обещал полицейский, сразу – на заборе белел натянутый потрепанный баннер, на котором с другой стороны просвечивала аббревиатура железной дороги. Гуров только коснулся калитки, как залилась лаем собака. Рука стоявшей на крыльце фигуры прочертила темноту огоньком сигареты:

– Кого там принесло? Чего надо?

– Старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Гуров. Сергей, поговорить надо относительно сегодняшнего происшествия.

– Ну так заходите, поговорим, – отозвался парень, подошел ближе и ногой задвинул брехливую собаку в будку. – Заходите, только в дом не приглашу, маму не хочу беспокоить. Врач ей запретил волноваться.

– От калитки отойдем, на крыльце поговорим, – согласился опер. – Беседа на свежем воздухе меня тоже устроит.

Они вернулись на крыльцо, где Сергей снова закурил и буркнул:

– Чего я? И путем не знаю ничего. Знал бы кто, так сам бы ему голову оторвал. Проводницу убил, урод. Мать после взрыва сразу свалилась, я еле водителя дежурной машины упротил ее до больницы довести. А там уже толпа. Хорошо, Никанорыч мужик правильный, никогда не откажет. Таблеток ей дал, к себе в кабинет усадил, пока мамке получше не стало.

– Ты, когда бежал к вагону, видел высокого крупного мужчину лет пятидесяти-шестидесяти?

– Нет, такого человека не было. Вперед тетки с ребятишками из вагонов сыпанули. Мужики поменьше испугались, в тамбурах или у вагонов стояли.

– Тебе проводница в третьем вагоне, молодая такая, показывала, что я пьяный? Помнишь меня?

– Ну да, я смотрю, что лицо знакомое. Только одеты вы сейчас в одежду старую. – Парень узнал почти сразу в важном госте недавнего хулигана. Тон у Сергея стал задиристым. – Вы в вагоне были помятый, зеленый весь, еще и тошнить давай. Я же на работе, при исполнении. Что тут думать-то, и не таких героев навидался. Да и проводницу жалко, молодая совсем. У меня мать всю жизнь на железке, так она пьяных таких дебоширов ненавидит. Я тоже не терплю, когда напиваются и начинают концерты устраивать. Сразу с поезда снимаю, пускай в клетке проспится, без багажа останется и в следующий раз подумает, как нажираться до такого состояния.

За спиной мужчин зашуршала дверь в дом, пожилая проводница, которую Гуров уже видел утром в соседнем вагоне, с оханием выглянула на веранду, кутаясь в накиннутую шаль.

– Сыночка, ты с кем там сидишь? Юра, ты?

– Нет, мама, человек по делу зашел. Иди, не переживай, иди в дом.

– Какой человек? – Не так-то просто было унять заботливую мать. Она прищурилась и вгляделась в темноту. – Это что же, тот хулиган с поезда? Ты что сюда пришел, я полицию сейчас вызову! Что ему нужно, сынок? Гони его отсюда, пьяницу!

– Да мам, это не пьяница, а полицейский из Москвы, он расследует дело о взрыве.

– Ох, а как же... мы ведь... – Женщина засуетилась, выглядывая наружу, но не решаясь выйти на холод. – Вы уж простите, что так на вас накинуся Сережа. Работа у моего сыночка такая, кто ж знал, что вы из столицы прибыли, полицейский.

– Ничего страшного, – успокоил женщину Гуров. – Я понимаю, что он работу свою делал.

– Ну устал парнишка, работа у него тяжелая. Вот и нагрубил. Вы уж простите, не хотели вас обидеть. – Но женщина никак не могла оставить страшную мысль, что московское начальство сейчас из мести уволит сына с хорошей должности. – Что же вы на холоде сидите, проходите в дом. Сережа, ну что ты гостя не пригласил. Давайте, я чаю поставлю, приготовлю бутербродов.

– Да не стоит, не хлопочите, вам же врач наверняка запретил двигаться, – попробовал отказаться Лев Иванович.

Но Сергей наклонился и пробормотал ему на ухо:

– Пойдемте, а то маман не отстанет.

Пройдя в дом, на большую кухню, парень заботливо придвинул к столу кресло и предложил:

– Садись, мама. Я сам все сделаю. – Медленно, но настойчиво подвел он пенсионерку к широкому обтрепанному креслу. – Давай садись, не скачи у стола, а то Никанорычу нажалуюсь, что режим нарушаешь.

И парень сам принялся разливать чай, выставлять на стол нехитрое угощение: пряники в хрустальной вазочке и на треснувшем блюде крупные куски сала и черного хлеба.

– Сына, ну ты что, достал бы из серванта сервиз, что мне на юбилей подарили. Что ты гостю в некрасивой посуде ставишь, – суетилась пожилая проводница.

– Вас как по имени-отчеству? – попытался отвлечь женщину от наведения лоска Гуров.

– Валентина Сергеевна я, Сережу вот в честь дедушки назвали. – Женщина вдруг всхлинула. – Простите, всякую чепуху вам рассказываю, вам ведь надо про взрыв все узнать. Столько лет я на железке отработала, а с таким делом никогда не сталкивалась. Ну максимум напьется кто, побуянит, с поезда спрыгнет на ходу. А тут... – Она вдруг схватилась за сердце. – Ох, как вспомню, что Светку на куски разорвало, так будто иголками всю колоть начинает. Это же что за зверь такое сотворил... Креста на нем нет, как земля такого носит. Вы уж найдите его, накажите по всей строгости.

– А вы Светлану хорошо знаете? Сталкивались по работе? – деликатно уточнил оперативник.

– Конечно, она еще при мне в проводники пошла. Такая душевная, отзывчивая, что ни попросят, все сделает. Как детишки без нее будут, сироты ведь остались, отец потонул, как третьего она родила.

Про себя Лев Иванович удивился тому, что такая молодая женщина, которую он видел в своем вагоне, успела стать трижды матерью.

– Почему Светлана одна работала на смене, разве вы не в паре работаете?

– Деньги нужны были, вот она всегда двойную ставку тащила. Могла бы и за троих работать. Ей кормить надо ребятишек, старшая в этом году школу оканчивает, дальше ее ведь учить надо. Дочка совсем молодая, хочется приодеться, поступить в институт, тут за каждую копейку будешь хвататься.

– Подождите, а у вас есть фотографии Светланы? Можете показать?

У Гурова никак не укладывался в голове рассказ Валентины. Девушка из поезда, скорее, больше сама походила на школьницу, чем на мать семейства. Сын уже подавал матери толстый альбом в бархатистой обложке. Женщина пролистала плотные листы до середины и любовно погладила фото:

– Вот наша бригада, Светочка здесь, и еще предыдущий начальник поезда, Веселовский.

– А что, новый не нравится вам? – Гуров разглядывал снимок, попутно вспомнив, как начальник поезда не исполнил его просьбу: сообщить о замерзающей женщине на полустанке.

– Сильно много о себе думает, – оживился Сергей, который прислушивался к разговору, меланхолично размешивая сахар в кружке. – Всех считает ниже себя, не начальник, а царь поезда.

Мать искоса бросила в его сторону тревожный взгляд.

– Ну что ты, Сережа, начальство как начальство. У каждого свой характер, ты вот горячий, как кипятилок, не думаешь ни о чем и мелешь что попало своим языком.

– А чего он замечание мне сделал, что форма в пятнах?! Сам ходит, пальцем не пошевелит. А у меня работа такая, между прочим. Опасная!

– Знаю, сынок, знаю, ну не горячись. – Мать заерзала в кресле, снова со страхом поглядывая на Гурова, не причинят ли резкие слова сына ему вреда. – На пустом месте зачем заводиться, мы люди скромные, не надо начальству перечить, заступиться потом некому.

Лев Иванович краем уха слушал их перебранку, с вниманием разглядывая одну фотографию за другой. Женщины в форменных блузках и костюмах позировали на фоне вагонов с табличками разных направлений. Почти все старше 40, полные, с похожими короткими стрижками, но среди них он не смог отыскать девушку-проводника из вагона, в котором ехал.

– Простите, Валентина Сергеевна, можете показать на фотографии погибшую Светлану?

– Да вот же она. – Со вздохом собеседница провела пальцем по лицу смуглой невысокой женщины, далеко за сорок лет.

Тусклые, рано постаревшие черты лица, короткие волосы с сединой, приземистая фигура – никакого сходства с юной красавицей из поезда.

– Я пойду, поздно уже. Спасибо за чай, – поднялся Лев Иванович и попросил парня: – Сергей, проводи, боюсь, собака опять кинется.

Тот неохотно поднялся, накинул куртку. На пороге веранды, не желая выходить на холод, он откровенно зевнул:

– Да идите, не бойтесь. Наш Трезорка старый, зубов уже нет, только брехать может.

– Да не боюсь я пса, Сергей, еще пара вопросов у меня к тебе. Мать твою не хотел тревожить.

В ответ Сергей угукнул и, поплотнее укутавшись в старый ватник, прошагал до забора следом за Львом Ивановичем:

– Ну, говорите.

– Ты помнишь проводницу, которая была в вагоне? Девушка, симпатичная. Вы с ней еще перемигивались насчет моего опьянения.

– Помню, – согласился Сергей. – Ничего такая, да.

– Ты ее раньше видел? И потом после взрыва она была на перроне?

– Новенькая, раньше не видел. А после взрыва я сразу с мамой в больницу рванул, про нее и не вспомнил.

– Ты же слышал, что твоя мама говорила, что за третьим вагоном была закреплена Светлана Селиванова. Куда она делась? Она работала в ту ночь, ты видел ее?

Парень задумался на пару секунд и пожал плечами:

– Да вроде не видел Селиванову, мне мамини подруги одинаковыми кажутся, может, и напутал чего. Но девчонку помню в третьем, красотка, только сильно наштукатурена, я такого не люблю.

– А как получилось, что она вместо Селивановой работала?

От вопросов настырного опера Горшков недовольно дернулся:

– Ну что вы как маленький, может, подменились. Всякое бывает, приболела, вот вместо нее новенькая и вышла. Начальник может и не знать, он у нас птица важная, на все только кривится, будто лимона откусил.

Лев Иванович вслушивался в тишину за околицей и видел, что старый Трезор тоже, наострив уши, наблюдает за кем-то, скрытым темнотой.

– Ничего больше не вспомнил? Кого-то, может, видел перед тем, как вагон взорвался?

– Да нет. – Парень вздохнул. – Мы ж, считайте, с вами рядом бежали все время, пока не грохнуло. – Он вдруг радостно ткнул в желтое оконце дома на другом конце улицы. – Вы вон к тете Соне загляните, она беляшами торгует на перроне с утра и до самого вечера. Она точно видала, кто из вагонов на остановке выходил. Идите, она не спит еще, беляши на завтра жарит. Отсюда запах чую.

– Спасибо, зайду сейчас, – обрадовался новому свидетелю опер.

Пожав парню на прощанье руку, Гуров зашагал по улице в сторону яркого желтого пятна. Аппетитный запах действительно полз по всему переулку, щекоча ноздри. Как собака по следу, он по запаху от беляшей дошел до крошечного кособокого домика, распахнул калитку и постучал в приоткрытое окно:

– Хозяйка, беляшами угостите?

Сгорбленная старенькая женщина испуганно метнулась к окну и с грохотом задвинула раму:

– Нет никаких беляшей, ничего нету! Картошечки себе решила пожарить на ночь, не запрещено законом! – выкрикнула она, разгоняя по кухне чад от шипящих на сковородке золотистых беляшей.

– Тетя Соня, не бойтесь, я штрафовать вас не буду, – зашептал Лев Иванович в оставшуюся щель. – Угостите свеженькими, я у вас еще десяток куплю.

Домашняя кулинарка остановилась, приоткрыла обратно окно и переспросила:

– Точно? Не обманешь? Вы москвичи такие, ушлые.

– Да клянусь. Так вкусно пахнет, что просто живот скрутило. Мне бы покушать, у вас магазины уже закрыты, а у меня за весь день крошки во рту не было.

– Ну заходи, открыто. – Пожилая женщина до сих пор вела себя настороженно. – Только деньги вперед давай, девять берешь, один в подарок. Ну ладно! Двумя угощаю, раз уж гостем моим стал.

– Спасибо!

Лев Иванович заторопился внутрь, навстречу манящему аромату. Там женщина ловко управлялась сразу с тремя сковородами на старой побеленной печи, скидывая готовые золотистые беляши в огромный таз и выкладывая новые порции пухлого теста. Гуров скромно пристроился на колченогом табурете, кивнул с благодарностью, когда перед ним оказалась эмалированная миска с двумя жирными, истекающими соком пухляшами. Он с удовольствием впился зубами в горячий бок беляша, а энергичная старушка, не отвлекаясь от своего конвейера, хмыкнула:

– Поди, спросить пришел, кого видала на перроне сегодня у поезда взорванного?

Рот был занят, и Гуров смог только утвердительно промычать в ответ. Женщина снова хмыкнула, довольная собственной проницательностью:

– Не за беляшами же по ночи из Москвы начальство шныряет. Ты не обижайся, что я на язык острая. Привыкла на вокзале отбивать, а то каждый из себя начальство строит. Штрафами грозят за незаконную торговлю, пассажиры тоже возмущаются, что антисанитария. А я десять лет их жарю, и все у меня кормятся. И вокзальные, и с железки. Проводники, обходчики, машинисты, все тети-Сонины беляши уважают.

– Понимаю их, тетя Соня, вкуснотища. Еще десяток с собой положите?

– Положу, положу. – Довольная комплиментом продавщица принялась с грохотом скидывать грязную посуду в старенькую жестяную раковину.

Наконец присела за стол, обтерла руки от муки и начала фасовать свои изделия в промасленные кульки, по ходу рассказывая о событиях утра:

– Я к пяти утра прихожу всегда, конкуренции меньше, а люди за ночь оголодали уже, свеженькое быстро разбирают. Считай, к обеду я отстрелялась, можно тесто заводить на новую партию. Ну и сегодня припоздала, по переходу бегу с сумкой, а поезд уже к станции подходит. И тут кто-то крикнул, я по сторонам туда-сюда. Только увидела, как кто-то в кусты сиганул прямо на ходу. С нашей стороны, где дома.

– А кто был, мужчина или женщина? Успели рассмотреть?

– Кричала женщина, это точно. Тихонько так вскрикнула, я еще подумала, что, может, девчонку кто зажал. У нас ребята на поселке простые, могут и обидеть. Я хотела шугануть хулигана, да темно, ничего не видно. Он в кусты бросился.

– Почему думаете, что это все-таки мужчина был?

– Да так тяжело он лез, аж кусты трещали. Будто медведь через кусты ломится.

– А можете место указать, где это было? Или нарисовать, как дойти? – попросил опер.

Кулинарка махнула рукой в сторону окна:

– Чего там искать? Вот как через мост идешь в сторону вокзала по правой стороне, так сразу перед мостом он в кустах и пошумел. Увидишь, если по свету пойдешь. Там в крови снег перемазанный и ветки переломаны.

– В крови? Вы смогли рассмотреть кровь, когда на вокзал шли?

– Да нет, это уже обратно пошла через мостик, светло было, день. Глянула туда, а и приглядываться не надо, на снегу кровина тянется и кусты сикось-накось.

– То есть человек бежал со стороны вокзала через лесок в сторону домов, сюда?

– Да с какого вокзала, с поезда. Состав же шел в это время, через рельсы никак не перейти ему было, а поверху я на мосту была.

– Спасибо, тетя Соня. Помогли очень. Сколько с меня?

– Триста за все. – Женщина сложила в самодельный пакет десяток румяных пышных беляшей.

– Держите. – Гуров положил на стол пятисотенную купюру. – Сдачи не надо. Лучше завтра будете на вокзале, поберегите для меня еще партию свежачка. Уж очень вкусно готовите.

– А то. – Довольная выручкой, старушка благосклонно предложила: – Ты через улицу до переходника на вокзал не иди, тут через два дома тропинка будет между деревьев, по ней выйдешь почти к тому месту.

– Отлично, тут у вас все рядом. Удобно жить. – Лев Иванович вытер руки об ветхое полотенце и шагнул к двери из кухни.

Что-то грохнуло в коридоре за дверью, но старушка отмахнулась:

– Кот шмыгает, старый уже, а все в подполье скачет, мышей ловит. Весь в меня, мне ведь уже семьдесят, а все бегаю, торгую. Надо детям помогать...

– Крепкого вам здоровья, – напоследок пожелал Гуров, разомлевший от тепла и еды.

По дороге он шел и раздумывал, как же тяжело жителям крошечного поселка Туманный. Хватаются за любую возможность, чтобы заработать свои честные копейки. Даже пенсионеры не могут расслабиться и вынуждены поздно ложиться, вставать до рассвета. И так каждый день.

Через два дома он нашел протоптанную в сугробах тропинку, по которой пошел вперед. И тут же ускорил шаг – впереди кто-то поспешно убегал, попав в ловушку из сугробов. Его преследователь, видимо, стоял на этой тропинке и следил за московским опером, не догадываясь, что тот свернет с широкой укатанной дороги между домами в узкий проход, известный только местным. Наблюдатель все громче дышал впереди, все-таки попался в ловушку.

Лев Иванович перешел на бег, пружинисто прыгнул, но преследователь оказался низкорослым. Так что пальцы Гурова только зацепили и сорвали шерстяную шапочку с коротко стриженной головы. Маленькая фигурка кинулась бежать, застревая в сугробах, Лев Иванович рванул следом, но тут же почти по колено провалился в рыхлый снег. Темный силуэт юркнул между деревьев и растворился в темноте. Гуров попытался догнать его, но, более массивный и тяжелый, он увязал при каждом шаге в сыром снегу. Пройдя пару десятков метров, он понял бесполезность своей затеи, в сердцах выругался, сунул добычу в карман и вернулся на утоптанную тропинку. Кем бы ни был преследователь, он ретировался, испуганный тем, что его вычислили. И не просто убежал, а оставил вещественное доказательство – потертую трикотажную шапку.

Возле мостика Лев Иванович подсветил фонариком. Как и говорила пенсионерка, кусты в этом месте были сломаны и примяты на широком расстоянии друг от друга, тут явно пробирался человек весом не меньше девяносто килограммов. Он внимательно осмотрел местность: глубокие следы примерно 43–44-го размера; пятна крови, тянущиеся цепочкой в глубину кустов прямо по отпечаткам ног. Гуров не пошел сразу в темноту в кусты, куда тянулись следы. Он прошелся вдоль насыпи и нашел то, что искал. Вмятина в снежном покрове от падения большого тела, борозды по щебню, камешки в капельках засохшей крови. Опер представил, как в этом месте утром развивались события. Пока тетя Соня с партией свежей продукции шла по мостику, что-то произошло в его вагоне. Сначала закричала женщина. Может быть, это была Светлана, но не настоящая, а девушка, которая зачем-то выдавала себя за проводницу. После чего кто-то, крупный и грузный, выпрыгнул на ходу из вагона и скрылся в кустах возле насыпи. Судя по размерам следов, это был, скорее всего, Дымов, и он был ранен. Либо он кого-то ранил еще в вагоне, ведь Лев Иванович сам видел следы крови на полу соседнего купе. Потом кровавые капли тянутся по следам, указывая путь пожилого пассажира. Чья кровь? Проводницы? Но Гуров видел девушку, перед тем как появился патрульный, и она не была ранена.

Лев Иванович, освещая перед собой сугроб телефоном, медленно начал шагать рядом со следами Дымова. Вот здесь пожилой великан встал на ноги, сделал пару широких прыжков и оказался в глубине кустарника. Между деревьями шли глубокие провалы от ног беглеца, он пробирался через снег, проваливаясь почти по щиколотку. В двух местах Гуров обнаружил широкий отпечаток, здесь Дымов, скорее всего, сидел прямо в рыхлый сугроб, чтобы передохнуть. Через сотню метров, за кустами, что отделяли жилые дома от лесополосы, цепочка следов обрывалась. Снова утлые домишки жителей поселка, только теперь Гуров смотрел на них другими глазами. В одном из этих домов может прятаться Дымов, либо тайно, либо с согласия хозяев. Лев Иванович уверен в этом – при минусовой температуре не смог бы пассажир долго находиться на улице, а прошло уже больше двенадцати часов, как он спрыгнул с поезда. Поэтому либо Дымов замерз среди деревьев, либо нашел прибежище в одном из домов поселка. Лев Иванович еще раз осмотрел местность, стараясь не наступать на кровь и следы беглеца из поезда, но больше информации с места происшествия не получил. Необходима работа экспертов. Неизвестно, чья эта кровь, в потемках не рассмотреть – есть ли следы борьбы, остатки ткани или невидимые глазу потожировые отпечатки. Утром надо будет начать массовый поиск Дымова, Егоркин его наверняка всецело поддержит. Только вот Гуров не был так однозначно уверен в том, что пожилой мужчина организовал взрыв в поезде, даже несмотря на улики – телефон с требованием выкупа, побег перед взрывом – и несмотря на то что Дымов некогда работал машиностроителем-железнодорожником. В эту схему никак не укладывалась странная ложная проводница Светлана и поведение Дымова.

Хотя, может быть, и есть простое объяснение тому, что в вагоне работала под чужим именем незнакомая девушка, – работники железки и Туманного многое скрывают от московского опера.

Пока Лев Иванович точно знал, что в вагоне в ночь перед взрывом ехала в качестве проводника неизвестная девушка, а совсем не мать троих детей, зрелая женщина, указанная в документах. И делиться информацией с прокурорским следователем не спешил, до сих пор памятно ему было, с каким удивлением тот смотрел на него при вопросах об умершей жене Дымова. Если еще и появится проводница, от которой не осталось и следа после взрыва, то Егоркин окончательно спишет слова на бред после отравления угарным газом. Оперативники и следователи работают только с фактами, без доказательств ни один суд не поверит рассказу об исчезнувшей жене Дымова и странном перевоплощении проводницы из дородной женщины в девушку. Придется эти улики искать пока самому, не ставя в известность следственную группу.

Возвращался Лев Иванович в съемную квартиру почти бегом, не прислушиваясь к тому, идет ли кто за ним следом. Неизвестный не решится снова наблюдать за ним, скорее всего, он напуган тем, что оставил улику в руках опера. А страх – плохой советчик для преступника, он может совершить роковую ошибку, выдавая весь замысел злоумышленника.

Остаток ночи Лев Иванович провел над изучением протоколов. Конечно, Егоркин проделал большую работу, опросив за короткое время несколько десятков свидетелей. Но они повторяли все одно и то же: спали либо просто смотрели в окно, поезд после остановки вдруг резко затормозил, на перрон выбежал мужчина средних лет, его преследовал полицейский. Оба забежали в здание вокзала, а затем последовал взрыв. Полыхнул третий вагон. От взрыва выбило стекла, занялся пожар, началась паника. Часть пассажиров покинула состав, а дальше уже прибыли пожарные, МЧС и саперы.

Заключения экспертов еще отсутствовали, были лишь подробные описания места преступления во время осмотра. Искореженный вагон, место взрыва в купе, где ехал Дымов. Внимательнее всего Лев Иванович изучал сухие канцелярские ответы из информационного центра железной дороги – списки пассажиров и сотрудников состава. За третьим вагоном числилась лишь проводник пассажирского вагона 1-й категории Селиванова Светлана Юрьевна, 48 лет. А в третьем купе вагона номер три, согласно списку билетов, ехали два пассажира – чета Дымовых. Билеты были куплены до станции в городе Золотов. Ни одного упоминания о перевозке гроба и тела, не было свидетельства о смерти, которое показывала ему в служебном купе молодая проводница.

Исчезла проводница, Дымов, его мертвая жена, будто никогда и не было гроба, ночного скандала и криков пассажира в соседнем купе. Лев Иванович потерял виски, если бы ему кто-то рассказал из коллег такую историю, он тоже засомневался бы в том, трезв ли рассказчик.

Но они были, это не фантазия и не выдумка. Присутствие Дымова вполне доказано, и Егоркин даже готов записать его в главные обвиняемые. Молодую проводницу видел Сергей Горшков. Вот пускай тогда молодой следователь сегодня идет по следу Дымова и разыскивает сбежавшего пенсионера, надо лишь дать ему наводку и подсказать план действий, чтобы не упустил ничего важного.

А Гуров займется пропажей жены Дымова, надо прежде всего выяснить – садилась ли она в поезд. Попросить помощи коллег, чтобы поискали свидетелей на станции, с которой чета пенсионеров отправилась в путь. А пункт второй в его поисках – разузнать, как оказалась в поезде девушка-проводница.

Один свидетель точно есть, ведь патрульный Горшков видел ее, разговаривал и даже попытаться избавить от выходок якобы пьяного пассажира.

Но начнет он свое расследование с сельского врача, запросит у него анализы крови. Ведь во время поездки он не пил ни капли, а в организме явно имеются признаки отравления, симптомы не похожи на отравление угарным газом, да и начались они еще до взрыва.

Лев Иванович принялся привычно заносить все свои планы на бумагу, ежедневник вместе с багажом погиб в огне, поэтому пришлось воспользоваться салфетками и огрызком каран-

даша из хозяйства Настасьи. Раздумья его прервало шлепанье босых ног по линолеуму в коридоре.

– Лев Иванович, вы чего не спите? Еще шесть утра. – Встрепанный Егоркин с изумлением уставился на Гурова, который сосредоточенно продолжал изучать ворох бумаг на столе.

– Да хочу быстрее закончить расследование и тебя домой отпустить, к жене и дочке.

– Тогда я тоже встаю, только кофе надо сварить, у меня в сумке лежит молотый. Как знал, захватил с собой целую банку.

– Угу. – Гуров, не отрываясь от чтения, проверил, есть ли в стареньком чайнике вода, и нажал кнопку.

На кухню после душа Егоркин вернулся посвежевшим, приготовил по чашке крепкого напитка себе и Гурову. Молча сделал пару глотков, наблюдая, как опер внимательно дочитывает последние протоколы опроса свидетелей.

– Лев Иванович, я должен задать вам вопрос. Понимаю, что вы член следственной бригады, старше меня по званию, опытнее... Но...я... Понимаете...

Гуров поднял голову и стал ждать, когда смущенный следователь сформулирует вопрос.

– Понимаете, я вчера опрашивал свидетелей. И полицейские сказали, что вы ну... были немного не в себе, что вели себя как-то беспокойно. Им даже пришлось за вами гнаться. Я не стал вчера приставать к вам с расспросами. Но думаю, обязан спросить вас, как свидетеля произошедшего, расскажите, что случилось в вагоне. Я занесу в протокол только то, что вы посчитаете нужным зафиксировать, сейчас у нас просто разговор. Как коллеги с коллегой. Мы ведь в одной команде и хотим одного – найти организатора взрыва, преступника. Если даже вы... вы... ну, расслабились, может быть, позволили выпить лишнего, то ничего страшного, вы все-таки же не в рабочее время пили. Я об этом не буду в протоколе писать, не беспокойтесь.

– Я не выпивал, Андрей. Возможно, отравился чем-то сильно, но алкоголь точно не принимал. А по поводу того, что произошло в вагоне, честно тебе признаюсь, воспоминания у меня из-за плохого состояния смазанные. Дымова я видел в купе, он выпивал, от него шел запах алкоголя, и вел он себя агрессивно по отношению к проводнице, было похоже, что пьян он довольно сильно.

– Вот и я думаю, что он с алкоголем перебрал, поэтому и пошло все не по его плану. – Егоркин выдохнул с облегчением – трудный разговор состоялся.

– А насчет протокола не накручивай себя, можешь описать все как было, – успокоил парня Лев Иванович. – Я буду запрашивать у врача результаты моих анализов, чтобы выяснить, отчего мне вдруг дурно стало.

– Да это ведь дело нехитрое. – Егоркин сладко зевнул. – На станциях торгуют просроченной едой, спихивают пассажирам, и потом не найти виноватого.

Гуров рассмеялся:

– А я тебя как раз хотел беляшами от вокзальной торговли угостить. Но должны быть свежими, она при мне их вчера жарила. Разогревай и давай под кофе позавтракаем. Важный свидетель, кстати. Торговка беляшами со станции, баба Соня. Перед тем как состав остановился, она шла по железнодорожному мосту и видела, как кто-то прыгнул с идущего поезда и исчез в кустах.

– Это Дымов! – заволновался Андрей. Он опасливо надкусил произведение бабы Сони и тут же с аппетитом принялся его уминать. – Срочно надо организовать его поиски. И необходимо перекрыть все выходы из поселка! Надеюсь, он не смог его покинуть!

– Хорошая мысль. Запроси помощи у местного отделения полиции, пускай дадут тебе рядовых прочесать лесок вдоль железнодорожного полотна, пока эксперты осматривают следы. Там, кстати, капли крови, надо выяснить, чья она.

– Наверное, Дымов поранился, когда с поезда прыгал. Надеюсь, у него травма и он не смог далеко уйти. Отлично! Я направляю туда бригаду, допрошу свидетельницу. Где ее дом? – Егоркин на ходу доел завтрак и заметался по квартире, собираясь на работу.

– Ты ее на перроне найдешь, по запаху узнаешь, – улыбнулся Гуров рвению следователя. Парень понял все правильно и мгновенно принялся за дело.

– А вы сейчас куда, Лев Иванович? Может, поможете бригаде с поисками? Я запрошу фото Дымова, чтобы опросить местных. Вдруг его кто видел или подвозил? – Егоркин уже застыл в коридоре у двери, с портфелем и курткой в руках.

– Давай я зайду в больницу, а потом после разговора с врачом подойду к месту работы экспертов. Найдем Дымова, не переживай. Кстати, запроси его документы из архива с работы. Нужно всю его биографию узнать, где учился, где женился, с кем дружил. Если они с женой родом отсюда, то у них могли остаться родственники в Туманном.

– Точно! И он может у них скрываться. Если мы сегодня найдем Дымова, то можно будет взять его под стражу и переслать в районный центр для дальнейшего следствия. Завтра тогда уеду. – Егоркин ликовал от такой скорейшей развязки дела. – У жены день рождения через два дня, вот как удачно получится.

У Гурова невольно вырвалось:

– Подожди, не все так просто. А если он не признает вину? Надо будет скрупулезно проверять все факты.

– А куда ему деваться, Лев Иванович?! Все улики говорят о том, что виноват в совершении преступления Дымов. Напился, взорвал не как планировал динамит и сбежал. Кто же еще!

– Ну, будем разбираться, – неопределенно ответил оперативник, чтобы не смущать парня непроверенной информацией.

Сам он не торопился выходить из квартиры. Только после того, как все вопросы и версии были сформулированы за время употребления двух чашек крепкого кофе, он отправился в путь. Его встретило старческое покашливание за окном – бабка Настасья находилась на своем посту.

– Доброе утречко, с самого рассвету на ногах и по делам побежали? Пока молодые, надо бегать, а я уж вот отбегала свое.

– Доброе, – поприветствовал старушку Гуров, вытащил шапку вчерашнего преследователя и показал ей: – Не знаете чья? Нашел вчера возле лестницы, когда к бабе Соне за беляшами бегал.

– Ох, Сонька кулинарка, умеет жарить, тем и зарабатывает. Дочку выучила одна, квартиру ей и внуку в районном центре купила.

– Ничего себе, – удивился Гуров. – Беляшики-то хороший барыш приносят.

Но бабка Настасья только покачала головой:

– Да чего завидовать-то, Соня после смерти мужа дочку одна тащила. Хоть и девка дурная, гулящая, прижила без мужа ребеночка, а все ж родная кровь. Вот и помогает. Себе ничего, даже ремонт в доме не делает, мол, старая, и так сойдет. Все для них бегают торгует. Так что и не видела никогда хорошей жизни, хоть крутится как белка в колесе. – Она приоткрыла окно, протянула руку и принялась щупать шапку. – Малец какой-то потерял, размер-то детский. Ух мать ему уши надерет. – Скрюченные старческие пальцы нащупали что-то в подкладке, и старушка вывернула шапку наизнанку, подслеповато морщась без очков. – Ох, ладанка зашита. Так тогда понятно, чья потеря, это сынок попа нашего шапку посеял. Матушка Лидия до таких штук охоча, она и мне предлагала сосуд со святой водой нашей болезной вшить в постельное белье, чтобы та на поправку пошла. Чтобы, мол, бог с ней всегда был. Да слепа я уже шитьем заниматься.

– А где священник живет? Давайте я занесу пропажу, познакомлюсь заодно.

– Зайди, зайди, попроси у него рукоположения. Он ведь, почитай, святой, хоть и не признанный. За грехи наши страдает, слезьми кровавыми плачет, как Иисус. Чудеса происходят со всем, к чему прикоснется. Ты иди к церкви, как шоссе перейдешь, так сразу и увидишь, купол золотом горит. Там он почти всегда, страдалец наш, чудотворец, за грехи наши поклоны бьет. Воду святит, чтобы излечение подарить всем страждущим.

– Спасибо. – Лев кивнул на прощание и пошел, удивляясь про себя, как сразу изменилась Настасья, как только речь зашла о чудесах от местного батюшки.

Глаза у старушки загорелись, в голосе послышались восторженные нотки, а взгляд стал словно стеклянным. «Да уж, религия – опиум для народа», – в изумлении отметил про себя Лев Иванович. Сам он в церкви редко бывал и не считал себя верующим. Однажды довелось ему расследовать дело о сектантах, тогда он увидел, насколько сильно проповедники могут лишать разума людей, превращать их в послушных зомби, которые готовы безрассудно выполнять любой приказ своего пастыря.

Оперативник быстро пошел по уже знакомому пути: шоссе с нескончаемым потоком из тяжелогрузов; облупленные трехэтажки с вымершими дворами, сегодня даже детей во дворе видно не было. Возле медицинского учреждения он приостановился, обошел здание по периметру, всматриваясь в обшарпанные, вздутые от разрушительной сырости, стены. В его бывшей палате окна были распахнуты, койки внутри без матрасов, сияют железными панцирями. Всех пострадавших, его соседей по палате, перевезли в районный центр, и фельдшерско-акушерский пункт вновь опустел в ожидании редких пациентов. Гуров не успел свернуть за угол, как расслышал тихий шепот, жалостный, с нотками слез:

– Спасибо, доктор, спасибо. Это вам, возьмите, не побрезгуйте. Вы же знаете, живем бедно, нечем вас отблагодарить. Хоть творожок домашний, все, что есть. Спасибо, без вас бы и не знали, как с ним справиться. Всех бы замордовал ирод пьяный, загонял бы по поселку. С вашими таблеточками живем понемножку, я ему в водку подсыпаю парочку, и он спать ложится, как бутылочку оприходует.

– Иди, иди, Наталья, не трепли языком. И больше двух таблеток не клади мужу своему, – ответил дребезжащий голос старого врача.

Гуров замедлил шаг, чтобы не спугнуть тайных собеседников, но почти сразу раздался топот торопливых шагов и кашель врача. Старичок неожиданно вынырнул из-за угла и почти врезался в высокого и статного Льва Ивановича.

– Доброе утро, господин московский оперативник. – Приветствие прозвучало с усмешкой. – Осуществляете розыск преступника в нашем фельдшерско-акушерском пункте? Уверяю, здесь ничего криминального нет, нищета, крысы и дефицит бюджета.

– Тем не менее местные граждане спешат спозаранку, чтобы отблагодарить врача. Видимо, за удачное лечение. – Лев кивнул на кулек с творогом в руках у врача, желая спровоцировать старого медика на ложь или агрессию, чтобы тот хотя бы косвенно выдал свою тайну.

Но старик, к удивлению Гурова, не разозлился и не испугался. Наоборот, хохотнул и сунул кулек в руки оперу:

– Угощайтесь. За первые же сутки пребывания в поселке покопались и в моем грязном бельишке, раскрыли страшную тайну. Вот что значит московский темп жизни. Мы привыкли жить неспешно, никуда не торопиться. Держите, держите, попробуйте на ужин. Отличный, кстати, продукт, свежий и ручной работы. В столице бы такой продавали богатым гурманам не за одну тысячу рублей. В Туманном его можно получить за одну подпись на рецепте в месяц.

– И что за рецепт? От какой болезни лечите?

– Пойдемте в мой кабинет, звездный час фельдшерско-акушерского пункта в Туманном закончен, и все пациенты перекочевали к эскулапам в городишко побольше. Так что я весь ваш.

Несмотря на таинственную возню с таблетками, доктор нравился Гурову. Бодрый, ироничный, явно образованный, а самое важное – он не чувствовал страха в этом человеке. Визит опера вызвал у старенького врача не тревогу, а оживление.

В кабинете старик захлопотал с чашками и заварником, перед этим, манерно шаркнув ногой, представился:

– Бессменный главный врач фельдшерско-акушерского пункта поселка Туманный вот уже как тридцать лет. Хирург, терапевт, гинеколог и стоматолог в одном лице. Горев Яков Никанорович. А ваше имя я запомнил при заполнении медицинской карты, Гуров Лев Иванович.

– Удивительно, у вас столько было пациентов за последние сутки. Чем я был так примечателен? – Лев Иванович и сам не заметил, как перешел на такую же, как и у доктора, ироничную манеру общения.

Яков Никанорович разлил чай по большим кружкам, со вкусом хлебнул крепкий напиток и прикрыл от удовольствия глаза:

– Вы уж простите, я человек старых правил. Да и нечасто выпадает возможность побеседовать с человеком образованным, из Москвы. Так что начну издалека, потерпите старика немного.

– Я не тороплюсь, Яков Никанорович, думаю, что вам есть, что мне рассказать.

– Да уж, за тридцать лет работы врачом в поселке я знаю все тайны его жителей. С одной вы уже познакомились только что. Наталья и ее дети страдают от жестокого мужа и отца-алкоголика, он каждый день издевается и устраивает скандалы с побоями и издевательствами над членами семьи. А с тем снотворным, что я ей прописал официально и выдаю каждый месяц по рецепту, женщина хотя бы может усмирить пьяного мужа, и он крепко спит. Думаю, многие не поддержат меня, даже осудят за то, что кормлю алкоголика снотворным, ибо это не помощь, а медвежья услуга. Я сам себя еще тридцать лет назад осудил бы за такие действия. – Старик неожиданно горько рассмеялся. – Если бы вы знали, каким наивным и вдохновенным я приехал в Туманный. Юный врач в провинции, читал записки Чехова, мечтал спасти местных жителей от невежества, нести достижения медицины в массы. Вы же видели, как живут жители поселка. И главный их враг совсем не невежество, мне понадобилось время, чтобы понять это. Нищета, страшная и поголовная. От безысходности люди начинают пить, теряют надежду на лучшую жизнь и начинают болеть, болеть, болеть. Больная душа делает и тело больным, человек ускоряет приближение собственной смерти через саморазрушение. Раньше я все пытался объяснить, переубедить, а сейчас понимаю, что один в поле не воин. Да и сам, признаюсь честно, растерял вдохновение юности. Помогаю как могу местным, пускай вот так глупо, криво, но это лучше, чем бездействовать.

– Но почему такая нищета? Ведь в поселке действует завод по розливу воды, жители работают на железной дороге.

– Кроме завода нет других предприятий, и этим пользуется администрация завода, установившая там нищенские зарплаты на уровне прожиточного минимума. Штрафы, ужасные условия труда, да много чего неприятного мне рассказывают о тамошнем производстве. Для владелицы бизнеса Туманный – не более чем источник живой воды и дешевой рабсилы.

– Почему рабочие не обратятся с жалобой в трудовую инспекцию, к председателю сельсовета, районной администрации?

– Эх, Лев Иванович, сейчас вы напоминаете меня в молодые годы. Наивный, жаждущий торжества справедливости. Глава поселка и есть владелица завода, она же районный депутат. После жалоб бунтарей уволят и наберут новых, несмотря на низкие зарплаты. На железную дорогу устраиваются работать только по знакомству, там целые династии уже выстроились, на заводе то же самое. Желаящие есть всегда, рабский труд за копейки единственная возмож-

ность для местных не умереть с голоду и, может быть, дать своим детям шанс уехать из загнивающего поселка.

– Печально слышать такое.

– По нашему медицинскому пункту видно отношение к поселку чиновников. Ремонт, покупка аппаратов, дополнительные ставки – это все не про нас. Хотя я ведь ходил, писал, просил. Да все без толку. Не приносим деньги, значит, бесполезны, вот так относится местная власть к медицине. И так в каждой сфере – школа закрылась, все дети учатся в районном центре, ездят каждый день на автобусах, проходящих поездах. Про дом культуры, библиотеку, кружки для детей или другие социальные сферы я молчу. Церковь – единственное место, куда местные могут пойти.

– Я так понимаю, ходят с увлечением?

– Даже с фанатизмом, особенно после того, как местный поп обнаружил у себя признаки святости и способности творить чудеса. На этих чудесах и завод вырос, разливает воду, которую наш священник делает чудотворящей.

– Да, мне уже рассказывали несколько человек о том, что у батюшки кровоточат глаза, видят в этом отсылку к стигматам Иисуса Христа. Вы не исследовали это явление? Как врач, как физиолог? Ведь должно быть объяснение данному явлению.

Доктор со вздохом поднялся, порылся в шкафу и положил перед Гуровым тонкую книжку в картонной обложке – медицинскую карточку.

– Вот, можете изучить карточку. Я знаю, что нарушаю закон о врачебной тайне, но только наш батюшка нарушает все законы человеческой морали. Делает деньги на своей болезни, и большие деньги. Он обратился несколько лет назад в связи с воспалением внутренней части века. Я нашел небольшую гиперемию конъюнктивы, набухание слезистой части века, если перевести с медицинского на обычный язык. И диагностировал на обоих глазах доброкачественные опухоли, выписал капли для лечения глаукомы и понижения внутричерепного давления. Батюшка сначала благодарил, намеревался лечиться, даже на операцию решился. – Яков Никанорович нахмурился. – Не знаю, в какой момент ему пришло в голову скрыть причину своей болезни и представить ее как некое чудо. И не просто представить, а еще и начать получать на этом прибыль. – На лице у старика отразилась горечь. – Он слепнет, опухоль увеличивается. И опухоль не только на глазах, я уверен. Такой избыток крови в мембране на глазном яблоке и слезном канале вызван нарушением работы сосудов головного мозга, это я даже без исследований могу наверняка сказать. Гипертония вызвана разрастанием опухоли головного мозга, что дает избыточное давление, повреждает сосуды, а излишек крови поступает в сосудистую ткань глазных яблок. В какой-то момент сосуды повреждаются, не выдержав слишком сильного давления внутри черепа, и жидкость выходит наружу. Это как лить воду в воздушный шарик, от давления стенки лопаются, и вода выливается. Здесь происходит то же самое. Батюшка плачет кровавыми слезами не из-за грехов прихода, а из-за собственной алчности. В его голове и на глазах стремительно растет раковая опухоль. Ему необходимо лечение, причем срочное. Как я понимаю из рассказов, кровотечения стали чаще, а значит, опухоль растет, болезнь прогрессирует. Глаукома, гипертония, гемолакия, гиперемия слезистой лишь признаки основной болезни – онкологии головного мозга.

– Это ужасно. – Гурова передернуло от воспоминания, как бабка Настасья с горящими глазами говорила о кровавых слезах попа. – Отвратительный обман.

– Если бы он обманывал только себя. – Руки у старого врача дрожали, он ссутулился, будто от невидимой тяжелой ноши. – Ведь они верят, что вода с каплями кровавых слез творит чудеса, лечит все болезни. Покупают эту воду, тратят последние копейки не на лекарства, а на вот такое чудо... Не помогает она, это как врач я могу вам сказать с уверенностью. Статистика за последние пять лет просто ужасная, смертность выше рождаемости почти в два раза. Даже простые заболевания становятся причиной смерти. Язва, аппендицит, простейшие

инфекции, заражение крови из-за воспаленного зуба! Будто мы живем в восемнадцатом веке. Жители не идут в больницу, они бегут в церковь и покупают воду, ожидая чуда.

– Но разве они не понимают, что вода не помогает? Если это массовая проблема.

Врач резко поднялся и почти швырнул в приступе злости перед Гуровым толстую подшивку из газет. Пестрые обложки кричали яркими заголовками: «Исцеляющая вода в отрезанном от цивилизации поселке», «Второе явление Христа в Туманном», «Три истории невероятного исцеления святой водой», «Живая вода из тумана». Десятки хвалебных статей, рассказов о невероятном исцелении, мнения ученых, советы врачей. Льва Ивановича снова передернуло, ведь он ел блинчики, которые старуха испекла на святой воде. К горлу подкатила тошнота – он ел пищу с добавкой из крови другого человека.

Яков Никанорович внимательно посмотрел на опера:

– Тошнота, рвота, приступы слабости? Так и продолжаются?

– Почти. Временами бывает, пока еще не оправился от пожара. Хотел кое-что у вас как раз уточнить по поводу своих анализов.

Яков Никанорович будто ждал этого вопроса:

– Я вижу, вы человек адекватный, поэтому скажу напрямую. Пришли ваши анализы, в крови явные следы препаратов морфиновой группы. Да, ваше поведение мне сразу показалось странным, когда вы пришли в себя. Некогда было детально проанализировать все показатели. Дезориентация, признаки интоксикации – это можно отнести и к отравлению при пожаре, а вот заторможенное поведение, нарушение работы вестибулярного аппарата при таком диагнозе не характерны. Я отправил кровь на дополнительные анализы и получил результат, который предполагал, – отравление высокой дозой седативных препаратов. Что-то вроде сильного снотворного или опиата. Затем сверху наложилось отравление ядовитыми парами при пожаре, поэтому неприятные ощущения у вас так долго сохраняются. Отравление через дыхательные пути минимальное, а вот через желудок или инъекции вы получили приличную дозу успокоительного. Вы принимаете снотворное или седативные препараты?

– Нет, – покачав головой, уверенно сказал Гуров. – Никаких таблеток, уколов, порошков за последние полгода.

– Завидую по-хорошему вашему крепкому здоровью. Тогда только вы сами можете догадаться, как большая доза снотворного попала в ваш организм. – Доктор криво улыбнулся. – Я вас прилично задержал, простите. Одичал в глуши, вот и вцепился в вас, принялся жаловаться. Не буду задерживать, у вас своей работы хватает. Желаю найти преступника как можно быстрее и покинуть наш туманный поселок.

– Спасибо, вы очень помогли. Мне хотелось понять, как устроена здесь жизнь. Да и результаты анализов – очень важная для меня информация. – Гурову было искренне жаль этого пожилого, разочарованного в жизни человека, который так хотел помочь людям вокруг, но, к сожалению, не удалось, поскольку столкнулся с невежеством и алчностью. – Еще один вопрос. За последние сутки к вам не обращались местные жители? За любой помощью.

Врач задумался:

– Никого из поселка не было, только пассажиры с поезда. – Он вспыхнул, что-то вспомнив. – Забегала Соня, торговка беляшами. Но это ее дежурный визит, она обычно в обмен на свою продукцию берет у медсестер бинты, перекись, заживляющую мазь. Кстати, беляши отменного качества, рекомендую.

– Спасибо, я теперь не могу отделаться от мысли, что все в поселке приготовлено на человеческой крови, – пожаловался на мрачные мысли Лев Иванович.

Но врач рассмеялся:

– Насчет продукции бабы Сони можете быть спокойны, она лишнюю копейку не потратит на такую глупость, как святая вода. Очень прагматичная женщина. И молодец. Своим бизнесом помогла вырваться дочери с внуком из нищеты, уехать из Туманного. До сих пор помо-

гает. Внук сейчас тяжело болен, Соня приходила ко мне консультироваться. Поэтому работает много, не позволяет себе даже один день расслабиться, собирает деньги на проведение операции за границей. Так что поверьте, она одна из немногих, кто сохранил ясный разум и веру в медицину. Ешьте смело.

– Больше ничего странного, непривычного не происходило?

– Да фактически ничего, единственное, чему удивился, – Соня отказалась от перевязки. Чаще всего у нее ожоги на предплечьях, самому нанести мазь и перевязать очень неудобно. И она доверяет всегда эту процедуру мне, считает, что у меня рука легкая – все заживает быстрее. А сегодня отказалась, сказала, что опаздывает. Но поезда ходят по расписанию, а Соня его знает наизусть, всегда заранее выходит из дому. Вот это удивило немного, даже не знаю, нужны ли вам такие глупые мелочи.

– Иногда я и сам не знаю, что важно в начале расследования, – вздохнул Гуров. Он накинул куртку и перед тем, как закрыть после себя дверь, пообещал: – По поводу работы завода и этих фальшивых чудес я попытаюсь поговорить с начальством, может быть, получится изменить ситуацию.

Врач кивнул напоследок, даже улыбнулся краешками губ, но улыбка его была полна горечи и разочарования.

Глава 4

Гуров почти дошел до вокзала, как вдруг мимо него промчалась с проблесковым маячком и завывающей сиреной полицейская патрульная машина.

– Стой! – Лев махнул рукой, но машина не остановилась, помчалась на высокой скорости дальше, выбрасывая из-под колес куски грязного снега с дороги.

Издалека ему было видно, что на перроне станции царит непривычное оживление. Кассир в форме, полицейские, зеваки высыпали на серую ленту невысокой платформы и что-то оживленно обсуждали, тыкая пальцами в сторону полосы деревьев. Лев Иванович, не прибавляя шаг, прошел между людей, вслушиваясь в их перешептывания. При появлении чужака разговоры совсем смолкли, но он успел уловить обрывки фраз:

– Голая совсем?

– Поселковые девку насильничали да придушили!

– Еще выкапывают, вон пригнали хлопцев, начальство-то руки марать не хочет.

– Вон с тех пор как москвич приехал, так каждый день беда в Туманном.

Гуров спустился вниз к рельсам и зашагал вдоль путей, выискивая глазами разлом, который он обследовал вчера. Но до памятного места он не дошел. Среди деревьев, буквально в паре десятков метров от путей, зачернели форменные куртки полицейских. Он пробрался по вытоптанной тропинке поближе к месту страшной находки. Два парня, рядовых из дежурного патруля, с нескрываемым отвращением откидывали лопатами снег с почерневшего обнаженного трупа. Один из парней не выдержал и, отбросив лопату, стремительно кинулся к кустам, где его настиг приступ отчаянной рвоты.

– Ты аккуратнее, улики не затапывай, – проворчал эксперт, который ползал вокруг тела, надиктовывая следователю данные для протокола.

Присутствующие старались отвести глаза от обнаженного женского тела в огромных черных пятнах. Застывшие конечности, искаженное лицо, черно-фиолетовые разводы, потемнение тканей всего кожного покрова – мало кто может выдержать такое зрелище. Даже Егоркин торопливо писал, пристроив бланк на портфеле, не поднимая лишний раз глаз на труп. Заметив шагающего Гурова, следователь с огорченным видом кивнул:

– Вот вместо Дымова что нашли. Подснежник. Я попросил кинолога, чтобы отправил собаку по следу, где вы отпечатки обуви взрывника видели. Думал, может быть, след возьмет, место незатоптанное, где он пробирался. А она завывала и в сторону потащила.

– Угу. – Гуров кивнул, внимательно осматривая место, где лежал труп.

Второй полицейский, поглядывая на выбывшего из строя товарища, все медленнее и медленнее махал лопатой, откидывая в сторону комья снега. Хотя копать ему почти и не надо было, тело было даже не закопано, а скорее утоплено в большом сугробе с небрежно накиданным сверху снегом. Лев всматривался в лицо, выискивая знакомые черты молоденькой проводницы. Но все лицо до груди было залито кровью из раны на голове. Потeki крови успели почернеть и застыть, на лице виднелись еще ссадины и гематомы, поэтому под этой жуткой посмертной маской трудно было узнать милое девичье личико.

– Отпечатки ног, следы борьбы нашли? – уточнил он у Егоркина.

Но на вопрос отозвался эксперт:

– Да следов полно, полвокзала сюда сбежалось. Еле разогнали. Теперь только гадать, где кто натоптал. Следов волочения и борьбы нет. Не сопротивлялась, драки не было. И ее ниоткуда не притащили мертвую или раненую, своими ногами пришла.

– Но почему она голая? Она что, голая пришла? – Егоркин от волнения потерял свою сдержанность. Сейчас он был похож на маленького мальчика, растерянного и бледного. Немуд-

рено, вместо скорейшего возвращения домой ему предстоит разгадывать новую страшную загадку, которую ему подкинул поселок Туманный.

Эксперт пожал плечами:

– Ну это уж ваша работа, я так подробно не скажу. Точно не с остывшего трупа одежду снимали, кусочков примерзшей ткани на теле нет.

– Может быть, сама разделась перед смертью? – с надеждой спросил Егоркин. – Знаете, замерзающие перед смертью снимают одежду, им тепло становится, галлюцинации начинаются, будто сейчас лето и жара.

– И сама себе лицо разбила тоже в забытии? – иронично спросил эксперт. – Столько крови, лужа под ней натекла. Не удивлюсь, если смерть наступила в результате потери крови, а не от холода.

Гуров краем уха слушал слова эксперта, ему очень хотелось рассказать Егоркину о своем подозрении о том, что в снежной могиле лежит девушка из поезда, но останавливало то, что по документам этой проводницы не существовало. Гуров решил: «Надо найти свидетелей и поговорить с ними, чтобы дали письменные показания, что вместо Светланы в вагоне находилась другая женщина. Проводницу видели несколько человек. Лена, но она пока без сознания в реанимации, Дымов, который исчез, и я. В поселке есть еще рядовой из дежурного наряда поезда Сергей Горшков, хотя он сам признался, что принял девушку за новичка и даже имени ее не знал. Начальник поезда! Он приходил несколько раз в вагон, он видел Дымова и разговаривал с проводницей. Он должен знать, кто она такая, ее данные! Тогда можно будет сделать сравнительную экспертизу и опознать труп. И еще обнаженная женщина на соседней станции, я так и не сделал относительно нее запрос! Какое-то безумное совпадение, но та была пожилой, с грузной фигурой. А этой погибшей, судя по фигуре, не больше тридцати лет, даже скорее всего меньше».

– Из местных кто-нибудь опознал труп?

После его вопроса установилась тишина. Егоркин уклончиво ответил:

– Нет, еще буду опрашивать, пока это сложно.

Гуров подошел к нему ближе:

– Андрей, нашли, куда Дымов скрылся, собака взяла след?

– Нет.

По мрачному лицу молодого следователя Лев Иванович и сам видел, что главный подозреваемый по-прежнему не найден.

– Ты в районный центр запросы по Дымову сделал?

– Сделал, – буркнул парень. – Не успел еще обработать ответ, я за одно схвачусь, уже другое сыплется. Файлы на электронной почте, в ноутбуке.

– Ладно, я вечером посмотрю. Я на пару часов отлучусь, – предупредил следователя Гуров.

По недовольному взгляду он понял, что парень уж не в восторге от их сотрудничества. Местный следователь ожидал, что опытный опер в два счета найдет преступника, а вместо этого как какой-то отпускник бродит по поселку, беседуя с местными старухами. Но Лев Иванович все медлил сообщать всю имеющуюся у него информацию Егоркину, потому что никак не мог сложить цельную схему из разрозненных фактов. К ним теперь добавилась и мертвая девушка. Гуров вспомнил последние минуты перед взрывом: «А ведь она была жива, когда поезд остановился на станции. Я разговаривал с ней, и она убеждала меня, что Дымов сошел с поезда. Потом мы выбежали с Горшковым на перрон, потом произошел взрыв. Она не погибла от взрыва. Но почему покинула поезд, разделась? Кто ее сильно избил и закидал снегом, возможно, еще живую? Слишком много вопросов, и пока ни на один из них нет ответов. Начнем в хронологическом порядке. Для начала надо выяснить, зачем сын местного попа следил за мной. Вечером постараюсь найти следы Дымова, данные начальника

поезда и допрошу официально Горшкова. С протоколом легче доказывать, что я не был пьян и не сошел с ума. Я видел другую проводницу в вагоне».

Задумавшись, он чуть не врезался в женщину, которая в окружении крепких парней торопливо шла по перрону. Она была высокой, лет пятидесяти. Женщина разительно отличалась от местной публики – ухоженная, пышная прическа, блестящая шуба до самых пят. Каблуки сапог отбивали торопливую дробь, лишь на секунду она остановилась, бросив на Гурова пронзительный колючий взгляд серых, густо накрашенных глаз и тут же развернулась к одному из сопровождающих и что-то негромко приказала. Высоченный охранник отделился от группы сопровождения и зашагал за оперативником. Но как только Лев Иванович замедлил шаг, чтобы дождаться преследователя, тот также остановился и замер от него в десятке метров.

Гуров снова двинулся в сторону многоэтажек, и его наблюдатель пошел следом. Не отставая ни на шаг, он сопровождал оперативника до самой церкви, нимало не смущаясь того, что откровенно следит за ним.

«Только этого не хватало. – От злости у Льва внутри все закипело. – Приставили соглядатая. Что за местная королева на меня положила взгляд? Да так, что приставила соглядатая. Что за дурацкий поселок. Туман сплошной, не зря его так называли».

Зазвенел телефон, и Гуров ответил, стараясь говорить тихо, чтобы наблюдатель не смог его подслушать:

- Петр Николаевич, доброе утро!
- Рад слышать, Лева. Тебе тоже доброе утро. У тебя есть хорошие новости?
- Отнюдь, но рад, что вы позвонили. Мне нужна ваша помощь.
- Ты чего так тихо говоришь, Лев? Случилось что-то?
- Уши лишние за мной ходят, зачем-то приставили наблюдателя. Сначала один, теперь вот второй...

– Так, пока ничего не понятно, кроме того, что ты попал в переплет. Говори, чем тебе помочь.

– Можете узнать, в ночь перед взрывом на станции перед Туманным не было сообщения о найденной женщине, мертвой или живой? По территории станции, названия ее точного не помню, состав проходил около двенадцати ночи.

– Хорошо, через пару часов добуду тебе информацию. Еще есть просьбы?

– Ускорить экспертизу по трупу в поезде. Сейчас долго рассказывать, но там произошла какая-то путаница с персоналом. Мне нужно точно знать, кто погиб при взрыве.

– Лева, ты только скажи, и я тебя из этого расследования и этого поселка вытащу. Отдохнешь на больничном, в себя придешь. Есть хорошие ребята, кого можно туда послать.

– Петр Иванович, спасибо. У меня все хорошо. Вы же знаете, в провинции все процессы медленнее идут, чем в столице, надо просто немного поднажать. Жду звонка, как что-то станет известно о потеряшках на соседней станции.

После звонка начальника и друга у него на душе стало легче, будто воздуха свежего вдохнул. Очень на него давила эта атмосфера, тяжелая и гнетущая, где все замалчивали свои тайны и давали уклончивые ответы. Лишь доктор оказался откровенен, но и от того так и исходило уныние.

Гуров решил навеститься в церковь, не только для того, чтобы застичнуть своего ночного преследователя врасплох. Он хотел собственными глазами взглянуть на внутренности церкви и ее главного служителя, который взял такую власть над поселком и его жителями.

Золотистые купола сияли даже в пасмурном свете зимнего неба. Зеленый высокий забор отгораживал само здание от шоссе и пешеходного перехода. Широкая калитка была гостеприимно распахнута, и Гуров смело шагнул в нее. С крыльца уже спешила женщина с блеклым лицом, по самые брови закутанная в темный платок, широкое платье скрывало фигуру.

– Водички хотели купить святой?

От этого предложения у Льва внутри поднялась тошнота. Он с трудом покрутил головой, стараясь не поддаваться слабости:

– Чуть позже. Сейчас я бы хотел увидеть отца Тихона.

– Он не принимает пока, обеденный перерыв, – сурово отказала женщина.

– Я подожду, осмотрюсь пока.

– Некрещеным нельзя под церковную крышу. – Смотрительница насупленно наблюдала за оперативником, ожидая, когда он сдастся и уйдет.

Его соглядатай застыл у забора, равнодушно наблюдая за их перепалкой.

Но опер демонстративно шагнул на ступеньки.

– Если бог будет против моего присутствия, то остановит меня. Прошу, отойдите в сторону, я войду внутрь и подожду священника.

– Нет! – почти взвизгнула женщина. – Стойте здесь, я спрошу, чтобы отец Тихон принял вас сейчас.

Она исчезла за массивной дверью, а Гуров двинулся вдоль высокого забора, который отгораживал церковный дворик от еще одной территории.

Внезапным прыжком он оказался на церковном крыльце, нырнул за массивную дверь, закрутился на месте, обводя взглядом просторную церковь, и скользнул за золотистую створку, усыпанную иконами. В щель ему было видно, как следом в полутемное помещение забежал следивший за ним мужчина, заметался из стороны в сторону и бросился в приоткрытую дверь, которая уводила в длинный коридор. Стоило широкоплечему мужчине исчезнуть в темноте, как Лев Иванович бесшумно устремился наружу на высокое крыльцо церкви.

Спустившись по ступеням, он дернул калитку на вторую половину церковной территории, но она была плотно закрыта, за забором была видна лишь зеленая кровельная крыша строения. Ни секунды не раздумывая, опер ухватился руками за край деревянного ограждения и перемахнул внутрь. Да, нарушение закона, проникновение на частную территорию, но всегда можно сказать о том, что калитка была открыта. Когда работаешь с преступниками, невольно приходится идти на небольшие хитрости. Чтобы ложь невозможно было опровергнуть, он аккуратным движением сдвинул щеколду на массивной двери с внутренней стороны, а потом осторожными шагами двинулся в глубину двора. Где-то размеренно тюкал о поленья топор, проникновение Гурова осталось незамеченным. Посередине земельного участка стоял небольшой аккуратный дом в пару окон, именно его зеленая крыша виднелась над забором. Рядом вытянулись пара подсобных строений – черная, присыпанная углем тропинка вела в сарай, где, видимо, хранилось топливо для печи, а рядом возвышалась поленица. Дальше к дому примыкала крепким боком баня, в темном оконце которой Лев заметил кое-что интересное. Он прижался лицом к стеклу, но в помещении с полками не горела лампочка, человек внутри двигался на ощупь. Льву удалось лишь рассмотреть, как невысокий мужчина в рясе, с окладистой длинной бородой, неуверенно отсыпает из обычного целлофанового пакетика в лохань порошок красного цвета.

Понять Лев Иванович ничего не успел, тело само отреагировало на движение еще до того, как в голове окончательно оформилась мысль – не слышно ударов топора!

Справа просвистело лезвие топора, больно обожгло ухо и высекло в бревенчатой стене щепки, застряв заточенным углом. Опер развернулся навстречу нападающему со стороны спины и во время поворота рукой ловко обхватил тонкую шею. Под пальцами скользнули те же мягкие короткие волосы, что и вчера ночью. Это был ночной преследователь, шапка которого лежит у Гурова в кармане. Подросток лет четырнадцати-пятнадцати, худой, с непокрытой головой, в большой не по размеру куртке извивался в захвате тяжелой руки опера, пытаясь вырваться.

– Отпусти, я тебе устрою! Зарублю насмерть! Я не дам тебе папку в тюрьму засадить! – Парнишка неловко крутился от боли, хриплый голос срывался на визгливые нотки.

В предбаннике зашуршала ткань длинного одеяния священника, показался невысокий человек собранными в хвост полуседыми волосами. При виде него Гуров вздрогнул и чуть не выпустил мальчишку из локтевого захвата. По осунувшемуся изможденному лицу в глубоких рытвинах морщин тянулись из глаз кровавые дорожки. Между веками застыли бельма – два слепых пятна в алых прожилках. Кровавое зрелище пугало и одновременно завораживало своей уродливостью. Пальцы у отца Тихона были измазаны в чем-то густо-красном, и эти сгустки падали с рук на снег.

«Все вокруг в крови!» – мелькнуло в голове у Гурова, и тут же струйка алой крови растекалась по снегу у него под ногами, падая со стороны порезанного топором уха. Он понял, что мальчишка не промахнулся и все-таки задел его своим смертельным оружием – рассек правое ухо.

– Миша, это ты? Ты с кем? Ты почему кричишь? – Слепой священник чутко поводил носом, пытаясь по звукам и запахам понять, что происходит во дворе его дома.

– Папка, он тебя в тюрьму засадит хочет. Он подсматривал за тобой, как ты в бане!.. Как ты!..

– Молчи, Миша, молчи! – вдруг вскрикнул отец Тихон, на лице его отразился ужас. – Лида, Лида! – Голос его набрал силу, стал звучным как колокол. – Супостат у нас, вор! Вызывай полицию!

– Полиция уже на месте, – отозвался Гуров и привычно представился: – Старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Гуров Лев Иванович.

– Вы что творите! – зазвенел женский голос. Блеклая матушка Лидия спешила от калитки по тропинке к малолетнему сыну. – У него кровь! Вы его убьете! Отпустите, вы в доме святого человека, вас бог покарает!

Лев Иванович снова развернулся назад, удерживая бьющееся в бессильной ярости хрупкое тело подростка. Изнутри поднималась злость, бешеный мальчишка следил за ним, теперь чуть не убил топором, покрывая темные делишки своего отца, а мать защищает сыночка-преступника, грозит божеской карой.

– Это за что он меня покарает? За то, что ваш сын на меня напал с топором? Это моя кровь! – Гуров старался не показать, как внутри плещется ярость от боли в ухе и желания отправить всю семейку в камеру прямо сейчас.

Он был уверен, что по результатам экспертизы воды и порошка в бане слепой священник быстро получит обвинение по статье мошенничество, крови на все грузовики со священной водой не хватит из его больных глаз. А вот пищевой краситель и выглядит эффектно, и безопасно для тех, кто употребляет воду каждый день. Только стоимость каждой бутылки после добавления обычного пищевого красителя красного цвета вырастет в десятки раз, принося отличные доходы чудотворящему страдальцу. Матушке можно предъявить сговор в мошеннической махинации, а сынку попытку убийства полицейского при исполнении. А мальчишка свои попытки напасть на Льва Ивановича и не оставлял. Воспользовавшись тем, что Гуров отвлекся на мать, он дотянулся до топорика и дернул изо всех сил. Лезвие опять блеснуло в лучах зимнего солнца и полетело теперь Гурову прямо в горло. Свободной рукой он перехватил руку подростка, вывернул болевым приемом, так что топор вылетел в сугроб рядом, а подросток заверещал от боли:

– Мама, он меня убивает! Он все видел! Видел! Там в бане! Он подглядывал! Больно, больно, пусти!

– Опустите, вы ему руку ломаете! – Женщина резко кинулась под ноги Гурову и схватила упавший топор. Лезвие угрожающе заблестело. – Отпусти его, не доводи до греха! Богом клянусь, возьму грех на душу, а ребенка своего от тебя закрою! – Женщина смотрела на полицейского с ненавистью и мольбой одновременно.

За ее спиной замаячил широкоплечий верзила, приставленный для слежки. Он угрожающе шагнул в сторону Лидии, замершей с топором в руках.

Лев Иванович уже и сам выпустил парнишку из железного захвата, угрозы он больше не представлял. Топором теперь завладела мать. Гуров заговорил, не сводя глаз с наточенного лезвия топора в руках женщины:

– Я никого не собираюсь засаживать в тюрьму, пришел просто поговорить. – Он медленно сунул руку в карман куртки и вытянул вязаную шапочку. – Это ведь шапка вашего сына, верно? Внутри есть зашитый оберег. Я принес ее назад, а он кинулся на меня с топором. Я не против того, чтобы вызвать полицию, но пострадает ваш сын. Он следил, а сегодня напал на представителя власти при исполнении своей работы. Сколько ему, четырнадцать? Срок могут дать немаленький, в шестнадцать переведут из колонии для малолеток во взрослую тюрьму. – Он выдержал паузу, наблюдая, как заматались глаза женщины.

Жена священника с испугом переводила глаза с кровоточащего уха опера на измазанный кровью снег и красные разводы на железном лезвии топора. Лев Иванович примирительно выставил вперед открытые ладони:

– Я без оружия и без злого умысла. Просто хотел поговорить с вами и с вашим мужем. – Он кивнул в сторону надсмотрщика. – Без свидетелей. Простите, что проник на вашу территорию. Я забуду все, что видел в бане, забуду о нападении, и вы просто ответите на мои вопросы.

– Что он видел в бане?! – Вопрос, будто острый клинок, рассек воздух.

У калитки стояла женщина в длинной шубе, та самая, которую Гуров встретил на вокзале у перрона. Только выглядела она теперь иначе: возле губ залегла горькая складка, во взгляде сквозило отчаяние, казалось, что властная и статная дама разрыдается прямо сейчас. За прошедший час она стала будто на двадцать лет старше, превратившись из стареющей горделивой красавицы в осунувшуюся изможденную старуху. За нею виднелся второй охранник.

От хриплого оклика матушка Лидия сжалась, будто от удара плетью, и еле слышно прошептала, не опуская топора:

– Уходите, убирайтесь прямо сейчас.

– Значит, вы согласны получить обвинение против вашего сына? – Гуров попытался снова напомнить о грядущей парню опасности.

Жена священника будто его не слышала. Она ссутулилась, по напряженной спине было видно, что гораздо больше тюрьмы для сына или мужа она боится женщины, стоявшей у калитки. А та уже приближалась, пронзая острыми каблуками насыпную дорожку из щебня. Острый взгляд впился в лицо Гурова. Ярко-красные губы скривились в уголках от ненависти, на шее выступили алые пятна.

Матушка дернула подбородком в сторону калитки:

– Пошел вон с божьей земли! У нас защитники имеются!

Женщина в шубе была уже в паре метров от них. Услышав слова Лидии, она одним взглядом отправила охранников к оперу:

– Убери его! Видеть ментов не могу! – В голосе прорывался крик, взвинченный, натянутый как тугая струна.

Без слов двое мужчин в одинаковых куртках подхватили оперативника с двух сторон, зажали свинцовыми пальцами и протащили по двору к калитке. Гуров извернулся, пытаясь вырваться, но они явно превосходили его по силе. Да и, судя по профессиональному захвату, знали, как обездвигать человека, и не раз это делали. Охранники жестко завернули ему ладони назад, чтобы остановить любые попытки сопротивления. И для наглядности один из мужчин ударил носком ботинка под колено оперативнику:

– Не рыпайся, и ничего не ломаем.

Напоследок Гурову удалось лишь выгнуть шею и оглянуться. Лев Иванович успел увидеть, как в два медленных тяжелых шага женщина приблизилась к священнику и влепила тому

увесистую пощечину, от которой дернулась его седая голова, а на кровавый пяточок перед баней хлынули новые капли с лица и рук. Матушка Лидия вскрикнула, топор в ее руке дрогнул, мальчишка рядом с дровником сжался пружиной. Больше ничего увидеть Гуров не успел.

Широкоплечие охранники проволокли оперативника словно мешок с картошкой по площадке перед церковью. Две старушки на входе еле успели отскочить в сторону и тут же испуганно зашептались, так как за Львом Ивановичем тянулась по всей прицерковной территории тонкая дорожка из кровавых пятен. Но охранники не обращали на свидетельниц никакого внимания, одним движением они выкинули Гурова за церковный забор, так что он улетел почти под колеса проезжающего мимо большегруза.

Прокатившись по грязному снегу, Лев Иванович с трудом встал и первым делом схватился за карман – телефон! Так и есть, от удара по экрану пошла широкая трещина, кусок корпуса отвалился, обнажив сплюсненную микросхему и оборванные проводки. Как теперь ему связаться с Орловым? А это единственный путь, чтобы остановить местечковый беспредел. Местные явно живут по своим правилам и плевать хотели на закон. Его только что чуть не зарубили топором и на попытку переговорить унижительно вышвырнули прочь с церковной земли. Этого он так не оставит. Он честно пытался не касаться секретов этого поселка, занимаясь только расследованием взрыва в поезде, но его жители настолько погрязли в обмане, что воспринимали каждый шаг московского опера как угрозу своим тайнам. И вот награда за то, что он молчал, понимающе кивал – да, мол, жизнь в таком нищем поселке нелегка и приходится идти на уловки, чтобы выжить. В итоге он теперь без связи, с головы до ног в грязи, с рассеченным ударом топора ухом, вышвырнут на дорогу на глазах у любопытных зрителей, будто какой-то забулдыга. И сейчас новость об унижении московского важного чина облетит все дома, по пути обрастая невероятными деталями и домыслами.

И словно специально по пешеходному переходу к церкви прошла группка женщин с детьми. Одна из них не удержалась от плевка в сторону Гурова:

– Будь ты проклят, беду в наш поселок притащил.

Дети, поддерживая агрессию матери, принялись швырять в оперативника комки грязного снега, взятого с края дороги. Вторая прихожанка погрозила кулаком и взвизгнула:

– Убирайся из поселка! Воплощение дьявола!

– Дьявол! Дьявол! Пошел вон! – вслед за женщинами заверещали дети.

Лев Иванович замер в растерянности, он привык бороться с преступниками, но здесь ослепленные фанатичной верой женщины, старики, дети. Что он им может ответить?

Злость внутри, что начинала закипать в начале визита в божий дом, теперь запылала яростью. Он устроит им раскрытие всех кровавых секретов, только бы прийти в себя. От падения и удара снова вернулись головокружение и тошнота, Лев Иванович с трудом, спотыкаясь, побрел обратно вдоль дороги. Первым делом необходимо прийти в себя, привести одежду в порядок, зашить и обработать рану. Ноги сами понесли его к старому зданию фельдшерско-акушерского пункта. Во дворах обшарпанных трехэтажек по-прежнему царила тишина, но ему казалось, что из-за каждой пестрой занавески за ним с ненавистью и презрением наблюдают жители поселка.

В фельдшерско-акушерском пункте было тихо, лишь в глубине здания было слышно металлическое звяканье медицинских инструментов и голос медсестры, которая болтала по телефону.

– Представляешь? Устроил драку в церкви! Вот москвичи, совсем совести нет. Проклянет его отец Тихон и прямиком отправится в ад!

Гуров чуть не расхохотался, слухи о нем добрались до больницы медицинского учреждения быстрее, чем его ноги. На смешок из-за двери показался одетый в застиранный белый халат главный и единственный врач поселка Туманный. Во взгляде за очками мелькнуло удив-

ление, но Яков Никанорович, если и были у него вопросы к окровавленному оперативнику, свое любопытство сдержал. Лишь профессионально с нажимом ощупал ухо:

– Проходите в кабинет к окну. На свету проведу осмотр. Зашивать придется точно, анестезии нет, так что приготовьтесь немного пострадать.

– А у вас в поселке любят страдать, как я заметил, – не удержался от раздраженного замечания Лев Иванович, но доктор проигнорировал его слова.

Старичок внимательно осматривал ухо, при этом аккуратно промывая перекисью водорода залитые кровью щеку и шею.

– Рана поверхностная, хоть и площадь большая. Вам не только ухо рассекли, еще по касательной и часть кожи срезали на скуле. Ухо зашью сейчас, срез на скуле обработаю и закрою пластырем. Тянуть будет сильно, но зашивать не стоит, края раны далеко, совместить не получится.

И Горев принялся за работу, напевая что-то под нос. Гремели инструменты, кожу то обжигало средство для обработки ран, то холодила сталь инструментов. Гуров дергался от боли, но терпел, врач деликатными движениями сшил разрубленную ушную раковину и перешел к скуле. Они оба молчали, никак не решаясь начать разговор о том, что произошло. Лев Иванович раздумывал над тем, можно ли доверять старому доктору? Он ведь может только изображать противника существующего порядка в поселке, а при этом быть таким же соглядатаем, как и все. Следить, докладывать, разносить слухи, тайно ненавидеть как своих, так и приезжих, лишь на кухне у себя, когда никто не слышит, жаловаться на местную администрацию и владелицу завода. Но врач и сам нарушил длинную паузу:

– Лев Иванович, вы бы лучше уезжали из нашего поселка. Ни к чему вам в этой грязи возиться, изменить здесь уже ничего невозможно. А себе проблем вы уже с избытком нашли. – Старик кивнул на раны на голове оперативника.

– И вы туда же... – Гурову стало досадно от того, что даже старенький врач, который так понравился ему своей открытостью, хочет поскорее избавиться от него.

– Не так вы понимаете. Я бы только был рад, если вы наше болотце перевернете и вытряхнете всю гниль, что скопилась в нем за долгие годы существования. Только уж простите, не верю. Завод со святой водой приносит огромные деньги, вы же видели фуры, что днем и ночью везут груз по всей России. Здесь свои законы работают и своя власть. За деньги можно купить многое, в том числе и молчание любого человека в Туманном.

– И ваше?

– Мне деньги не нужны уже, семья кончилась, а умирать я хочу с чистой совестью, а не большим счетом в банке. Но у других есть ради кого молчать, скрывать все, что здесь происходит. Вы для них сейчас как красная тряпка для быка, влезли пускай в нищую, но стабильную жизнь. Взрыв на железке, труп в вагоне, еще один труп в лесу рядом с вокзалом. Я понимаю, что вы к этому делу имеете отношение лишь как сотрудник МВД и больше чем кто-либо хотите найти убийцу. Но для местных вы источник страха.

– И что здесь происходит, скажите мне. Раз вы ничего не боитесь, объясните, почему на меня напали, пытались убить? За что меня так возненавидели?

– Страх! Я уже рассказывал вам. Завод приносит огромные деньги, а чудодейственная сила воды построена на обмане, на обычной болезни нашего священника. Я не знаю подробностей, как все происходит, как делают розовой воду из источника, выдавая ее за освященную кровавыми слезами. Но точно знаю, что владелица завода и священник боятся лишиться своего дохода, раскрыть свою тайну из-за того, что московский чужак в поселке задает неудобные вопросы, заходит, куда не положено заходить без приглашения. И местных они настраивают против вас. Это, – врач кивнул на свежие швы на лице полковника, – может быть только началом еще больших неприятностей.

– Вы сможете повторить свои слова на протокол, официально?

– Да... – Горев тяжело вздохнул. – Я мечтал все это время рассказать о тайне официально, уничтожить завод, священника, его хозяйку. Развалить их слаженный бизнес. Моя дочь... она... попала в аварию... Вернее... – Старик, прежде чем начать свой горький рассказ, говорил так, будто решался прыгнуть в ледяную воду.

Один из грузовиков, что возят живую воду, сбил мою жену и дочь на дороге, когда они шли в церковь. Жена была верующей, без фанатизма, но церковь посещала. В тот день была Пасха, и они шли на утреннюю службу, чтобы освятить яйца и кулич. Жена отлетела к обочине, а дочь угодила под машину. Она еще жила потом два дня, находясь в коме. Все два дня жена омывала ее этой чертовой водой, пыталась напоить, залить ей воду в рот пипеткой. Мне приходилось оттаскивать ее, давать снотворное, чтобы она не залила моей девочке легкие. Но моя жена сошла с ума, она больше не верила в меня, в медицину, в науку. Она ждала чуда, ждала помощи бога. Пила воду сама, мыла ею пол в реанимационной палате, ежедневно приводила священника читать молитву и окроплять чудодейственной водой двери палаты. И он приходил, молился, тряс своей кистью у меня на глазах. Зная, что я в курсе его болезни. Он врал моей супруге в глаза, обещал ей чудо и при этом понимал – я знаю о том, что нет никакого чуда, нет никакой надежды на спасение!

После того как моя дочь умерла, владелица завода сделала пешеходный переход через шоссе к воротам церкви... Жена жива до сих пор, только она в психиатрической районной больнице. Каждый месяц она просит меня привезти ей священную воду. И я привожу. Тридцать бутылок, по одной на день. Она пьет только эту воду. Пьет, молится, ждет и верит, что вода делает чудо – вернет ей нашу дочь, воскресит, как Христа. А я не верю... Не верю больше в чудо, в прощение. Не верю людям, не верю в справедливость и торжество закона. Единственное, во что я верю, в то, что встречу с моей доченькой после смерти. И жду ее, жду свою смерть с радостью и нетерпением. Здесь, на земле, мне нечего бояться. Что охрана Семеновой убьет меня за то, что я рассказал ее секрет? Я поблагодарю их, они ускорят такой желанный конец моей жизни. Если можно помочь жителям поселка, освободить их из этого негласного рабства, то я готов все повторить официально. Если кто-то кроме вас захочет меня слушать. Повторю, мне нечего терять, я ничего не боюсь и готов выступить в суде, чтобы мошенники, торгующие надеждой и верой в чудо, были наказаны. Но простите, Лев Иванович, я не верю, что это произойдет. Слишком сильна власть денег, и она сильнее закона. Государственного и человеческого. По крайней мере в нашем поселке. Поэтому и предлагаю вам уехать, а не мараться в местной грязи. Она липкая, проникает прямиком в душу.

Гуров молча смотрел на старика. Сгорбленный, поникший под тяжестью своего горя, тот застыл за столом, будто утонув в тяжелых мыслях и воспоминаниях. Льву Ивановичу больше не хотелось мести жителям Туманного, ярость утихла, осталась лишь жалость к сельчанам, которые живут в невидимой тюрьме. В месте, где царит беззаконие, процветает ложь и алчность, и против них нет равной силы.

– Что, вам уже рассказали о моем визите к священнику?

– Мне ничего, местные знают, что я не любопытен. – Старик фыркнул в желтые от табака усы. – Случайно услышал, как санитарка болтала по телефону. Вы ворвались в храм божий, избили священника, его сына, и только вмешательство Маргариты спасло его семью от смерти.

– Маргарита – это такая высокая женщина, в длинной шубе? Острые черты лица, пышная прическа. Кто она, местная власть? Она – владелица завода?

– О, так вы совсем ничего не знаете. Я думал, московские опера порасторопнее наших уральней.

Врач подошел к шкафу и снова зашуршал газетными подшивками. Выбрав пару штук, положил их перед Гуровым на стол. С фотографии рядом со зданием церкви и священником, на глазах у которого еще не было бельма, стояла женщина, которую Гуров впервые увидел на вокзале. Она была в шелковом закрытом платье, скромном платке на пышных локонах. Даже

газетный снимок не смог скрыть ее цепкий и резкий взгляд, хотя острые черты лица и были смягчены смиренной полуулыбкой. Заголовок был набран огромным жирным шрифтом: «Районный депутат Маргарита Семенова помогает в возведении храма для поселка Туманный». Во второй газете Маргарита позировала на фоне ухоженной горки из камней, с кокетливым видом набирая в хрустальный бокал воду из потока воды, что текла из каменного основания. «Меценат Маргарита Семенова помогает россиянам встретиться с чудом» – еще более льстивая подпись под снимком заставила Гурова скривиться от досады.

– Семенова владелица завода по розливу освященной воды?

– Скорее, ее нужно называть царицей или королевой района, поселка, завода, жителей Туманного. Не юридически, конечно, но фактически. – Казалось, что даже усы у старика поднялись от скрытой злости.

– Понятно... – Гуров чуть помедлил. – Спасибо. У вас действительно руки золотые, становится легче с каждой минутой. Я пойду. А по поводу Семеновой я знаю одно – на любую силу найдется сила побольше. Я приехал сюда найти преступника, который убил проводницу в поезде, сделал детей Светланы сиротами, чуть не отправил на тот свет мою коллегу. Меня не интересуют секреты местной королевы, вернее, я не собирался в них копаться. Но ровно до того момента, пока она не стала настраивать жителей против меня. Не я начал этот конфликт, мне просто надо было выполнить свою работу. Но теперь все будет по-другому.

После этих слов Лев Иванович поднялся и пошел к выходу. Печальный Горев даже не проводил его взглядом, тяжелые воспоминания все еще не отпускали старика. Он неотрывно смотрел на фото Маргариты Семеновой на фоне храма, не замечая, как сигарета догорает между пальцев.

На улице Гуров вдохнул полной грудью, после унижительного поступка охранников Семеновой гнев немного утих и пришло ясное понимание – к делу нужно подключать Орлова и вышестоящее начальство в Москве. Здесь один он действительно бессилен против местной королевы, которая мешала его расследованию из страха быть разоблаченной в мошеннической схеме.

Но на улице его ждал сюрприз. Возле своей новенькой машины нетерпеливо переминался с ноги на ногу Егоркин, а в десятке метров от него застыл с равнодушным выражением лица все тот же соглядатай из охраны местной королевы.

– Лев Иванович! – строго окликнул опера прокурорский работник. – Нам необходимо поговорить. Садитесь в машину.

Внутри автомобиля молодой мужчина засуетился, то открывая окно, то включая печку, хотя в машине было тепло. Гуров видел, как ему трудно начать разговор.

– Лев Иванович, сегодня опознали труп в лесочке у железной дороги. Это местная жительница, я думаю, что она случайно видела, как Дымов сбежал с поезда незадолго до взрыва, поэтому он ее убил.

– Почему она была раздета? Где ее одежда?

– Это мы все выясним, скорее всего, взрывник ее изнасиловал. Был пьян, накинулся на симпатичную девушку. Осталось только найти Дымова и получить его признательные показания, поэтому вам больше нет необходимости находиться здесь. Я подал рапорт об исключении вас из следственной группы.

Последние слова Егоркин произнес, не поднимая на коллегу глаза, белая кожа покрылась пятнами, а на лбу выступил пот.

Гуров крепко ухватил его за пуговицу щегольского пальто и тряхнул:

– Кто тебе приказал написать этот рапорт, Семенова?

– Лев Иванович. – У Егоркина на глазах выступили слезы, он перешел на испуганный шепот, крутя головой, не подслушивает ли кто их разговор. – Простите. Вы не понимаете. У меня семья, дочка, жена. Я не могу ей отказать, иначе придется попрощаться с работой,

со служебной квартирой. Я не могу, у меня машина в кредит, жена, дочка. – Егоркин повторял словно заклинание свои доводы. Он робко отодвинул ворот рубашки и показал алые полосы от женских когтей на шее. – Вот видите, что она сделала в ярости. Если я откажусь выполнять ее приказы, то она спустит на меня своих головорезов.

Егоркин кивнул головой на верзилу, который лениво подпирал стену фельдшерско-акушерского пункта, ожидая конца разговора.

– Что ты написал в рапорте?

– Что вы напали на несовершеннолетнего жителя поселка и душили его. Что употребляете алкоголь на рабочем месте. – Он снова еле слышно прошептал: – Простите, у меня нет выбора. Она мне приказала.

– Семенова?

– Да.

– Она сказала, почему против моего участия в расследовании?

– Нет, – покачал головой Андрей и снова покосился на охранника. – Простите. Ваши вещи на заднем сиденье. Лучше будет, если вы заберете их и уедете из города прямо сейчас. Вот. – Он торопливо порылся в бумажнике и протянул пяти тысячную купюру оперу. – Этого должно хватить, чтобы на попутке добраться до райцентра и оттуда до Москвы.

– Ты идиот? – Гуров все-таки не удержался от гневного восклицания.

– Мало? Но я пока не могу больше, у меня нет. Давайте спрошу у Маргариты...

– Ты идиот! – снова выдохнул Гуров и сжал ладонь следователя, так что смялась купюра, а пальцы побелели. – Ты понимаешь, что своим рапортом губишь свою карьеру? Ваша Маргарита здесь царица. Здесь и сейчас. Как только я сделаю один звонок, и тебя с твоим рапортом, и ее заставят отвечать за наглую ложь. И отвечать по закону. Как думаешь, потом ты сможешь и дальше работать в прокуратуре?

– Она пообещала, что решит все проблемы. – Губы у испуганного Егоркина дрожали. Он с ужасом наблюдал, как к машине приближается охранник. – У меня было всего пять минут для разговора с вами, Лев Иванович. Вам лучше сейчас уехать, прошу вас. Я не хочу проблем. Я прошу, забирайте вещи и уезжайте из Туманного.

– Дай мне телефон, я сделаю один звонок своему начальнику. Он начнет меня искать, если я не выйду на связь. Обещаю, я расскажу, что ты написал рапорт под давлением.

– Нет, простите, я не могу! Не могу вам помогать, мне запретили.

Молодой мужчина почти умолял, глаза становились все больше. В этот момент верзила-охранник остановился у дверцы и забарабанил толстыми пальцами по стеклу.

– Ты идиот, Егоркин! – в сердцах выпалил Лев, подхватил с заднего сиденья скромный пакет с вещами и вышел из машины.

Который раз за сегодня ему приказывают, просят, советуют уезжать из города? Третий, кажется. Пора и ему высказаться по поводу происходящего. Лев Иванович отбросил пакет в сугроб, чтобы вещи не мешали выплеснуть наконец kloкочущую уже в горле ярость. Он не был профессиональным спортсменом, но давно занимался восточными единоборствами. Да и преступники не давали расслабиться, базовые умения наносить удары, применять болевые или блокирующие приемы пригодились ему не раз.

Ударом кулака под дых опер заставил здоровяка, что был к нему приставлен по приказу Семеновой, согнуться. Пока тот хрипел, пытаясь вдохнуть, Лев Иванович ударил здоровяка по лодыжке и таким образом поставил на колени. Пальцами он сжал шею, мужчина застонал от боли, а Гуров наклонился к уху и тихо проговорил:

– Послушай меня, сейчас ты перестанешь таскаться за мной следом, вместо этого пойдешь к своей хозяйке и передашь ей, что никуда я отсюда не уеду, пока не найду организатора взрыва. Понял?

Тот в знак согласия затряс головой и тут же резко выпрямился, так что затылок его словно камень врезался Гурову прямо в нос. Во все стороны брызнула кровь. Машина завелась – Егоркин при виде жестокой драки бросился наутек.

Гуров на секунду растерялся, но тут же собрался и упал на бок в сугроб, уходя от второго удара. Теперь уже кулаком прямо в лицо. Огромная сжатая пятерня пролетела мимо, и вслед за ней по инерции пролетел вперед шкафоподобный охранник. Он упал на колени, и Лев Иванович мгновенно воспользовался ситуацией: ударом ноги по ребрам он уложил противника окончательно на землю, вывернул ему руку, применив болевой прием, так чтобы большой палец оказался неестественно вывернут. Поверженный громила хрипло застонал:

– Пусти, я просто должен был тебя сопроводить до границы поселка. Валишь тебе отсюда велено. Пусти, больно. Я все передам Марго.

Лев ослабил хват и отошел подальше от лежащего на земле тела, готовясь к новому раунду схватки. Но охранник, отплеываясь от грязи, просто поднялся и процедил сквозь зубы:

– Неохота руки об тебя марать. Потом с тобой еще сочтемся, каратист. Так и знай, тебе здесь даже сутки не продержаться.

– Беги к хозяйке и не забудь передать мои слова. Я не остановлюсь, пока не найду взрывника. – Лев плюнул вслед хромающему охраннику.

Слюна вытянулась кровавой ниткой на грязном снегу. «Сегодня кровь в поселке льется рекой, видимо, привыкая к местным традициям», – сквозь боль усмехнулся он собственным мыслям.

Куда дальше? Связи нет, в квартиру не вернуться, из официального расследования он будет исключен. Даже если Орлов будет против, в любом случае при наличии рапорта его не имеют права допустить в следственную группу, пока не будут выяснены все обстоятельства, описанные в рапорте Егоркина.

«Война войной, а обед по расписанию», – решил Лев Иванович. Он проверил нос, зубы – все было целым и не шаталось. Рукавом куртки и чистым снегом из глубины сугроба он кое-как оттер кровь с лица. Потом решит, куда податься. А сейчас после долгих часов на улице его мучает холод, да и голод дает о себе знать. Он решительно зашагал по знакомому маршруту – через железнодорожный мост, потом вдоль домишек к уютным желтым окнам и знакомому запаху жареного теста.

Баба Соня гремела посудой так, что было слышно за пару домов, аромат же ее стряпни полз опять по всей улице. Он подсунул руку в щель калитки, откинул крючок из проволоки и зашагал к крыльцу. Зайти внутрь дома Гуров не успел, дорогу в сенях преградила хозяйка. Сегодня баба Соня выглядела не так приветливо, она стояла подбоченясь, из-под туго повязанной косынки сверлил недобрый взгляд. Лев Иванович миролюбиво попросил:

– Добрый день, баба Соня. Угостите чаем под беляши? Я заплачу. Весь день только о вашей стряпне мечтаю.

– Нету ничего, – буркнула бабка и прикрыла дверь внутрь дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.